

Мария Свешникова

ПО

Дети

ПО

СВЯЩЕННИКОВ

ВН

о себе

ЧН

БЕЗ
ЕЛЄЯ

Мария Свешникова

**Поповичи. Дети
священников о себе**

«Никея»

2017

УДК 82-4+24
ББК 86.372

Свешникова М. В.

Поповичи. Дети священников о себе / М. В. Свешникова —
«Никея», 2017

ISBN 978-5-91761-749-7

Эта книга одновременно автобиография и портрет целого поколения. Мария Свешникова, журналист, редактор, кинокритик и дочь известного московского духовника протоиерея Владислава Свешникова, откровенно рассказывает о своей жизни и семье. В повествование вплетаются истории других поповичей, приведенные от первого лица: Сергея Шмемана, Софьи Кишковской, Анны Шмаиной-Великановой, диакона Владимира Правдолюбова, Таисии Бартовой-Грозовской, Сергея Шаргунова, Ксении Асмус.

УДК 82-4+24
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-749-7

© Свешникова М. В., 2017
© Никея, 2017

Содержание

Вступление	5
Часть первая, в которой я знакомлю с собой и некоторыми другими поповичами	6
Часть вторая, когда мы жили на кладбище...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Свешникова

Поповичи. Дети священников о себе

Вступление

Из комы я вышла на Пасху. Я это знаю точно – в палату реанимации заглянула Инна: подругу пускали, поскольку она работала в той же больнице. Улыбаясь, она взяла меня за руку и, поглаживая сухими пальцами, принялась тихонько ворковать: «Машунька, Пасха сегодня. Христово Воскресение. Люди несут в церковь яички и куличи, освящают их, христосуются. Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» – просипела я почти отчетливо, страшно удивляясь издаваемому мной шипению. Не подозревая, что я откуда-то вернулась. Не зная еще, что скоро перестану говорить совсем.

Я вышла из комы, чего не сделали очень многие. Да и на меня врачи по сей день странно посматривают. Изучая историю болезни, удивленно прищелкивают языком – не должна бы. По очевидным приметам, параметрам и признакам не должна. Но раз уж осмелилась, доживу до ста лет... Но писать о том, что случилось тогда, пока не буду, не пришло время. Зато могу рассказать историю одной поповны. Меня. Это далось непросто. Поскольку я не хотела, чтобы кто-то составил мнение о поповичах на основании лишь моей биографии, я вплела в свой рассказ истории нескольких моих знакомых и друзей. Почему именно этих людей? Все просто. Они тоже дети священников. Тоже поповичи. Какой интерес говорить только о себе? Пусть нас будет много.

Часть первая, в которой я знакомлю с собой и некоторыми другими поповичами

После Ломоносовского проспекта наша семья поселилась в 1-м Басманном переулке на втором с половиной этаже, поскольку квартиры в нашем доме были устроены в каждом пролете. Всегда полутемный, грязновато-бурый коридор вился между дверьми в комнаты, ненадолго замирал возле черного телефона с тяжелой трубкой, висевшего высоко на стене, проносился на скорости мимо распластавшегося налево рукава кухни и заканчивался тупиком. В обе стороны от тупика тоже были двери. Налево жила одинокая, вечно недовольная всем дама, резкого голоса которой я страшно боялась. Та, что направо, вела к нам. Соседских семей по тем временам было не так много (всего пять), но и сама квартира невелика, поэтому нам достались комната да небольшой закуток перед ней. В похожем пространстве, судя по эссе «Полторы комнаты», жила семья Иосифа Бродского в Ленинграде. Впрочем, после того, как мама приладила к закутку недостающую стену из тяжелой, выношенной портьеры, он превратился в папин кабинет, полный самых замечательных вещей на свете.

Главной достопримечательностью кабинета для меня был огромный письменный стол со множеством потайных ящичков и стоящей на нем чернильницей и настоящими перьями для письма да книжный шкаф, полный дореволюционных собраний сочинений Жуковского, Пушкина, Достоевского. Хранились там и лучшие издания советской печати. Читать меня научили в три года. Довольно быстро я расправилась с детской литературой, так что мне позволяли брать любые книги из папиной библиотеки. Сказки Карло Гоцци слегка пугали темным миром и его противостоянием свету, Одоевский завораживал умением фантазировать. Одолев Пушкина, Достоевского (вместе с дневниками его жены), добралась и до стихов Ломоносова, раз уж он оказался в шкафу, но они почему-то не впечатлили...

В «большой» и единственной комнате была устроена гостиная (поскольку тогда люди часто ходили в гости), спальня и детская всех четверых детей. Впрочем, до моих пяти лет «всех» нас было трое: папа, мама и я. Папа – выпускник ВГИКа, киновед и режиссер неигрового кино, мама – преподаватель русского и литературы и редактор и я. Кстати, недавно меня спросили: «Ты когда-нибудь хотела, чтобы твой отец был не священником?» Когда я появилась на свет, отец им и не был. Конечно, иногда я думаю, как сложилась бы моя жизнь, останься отец кинорежиссером, а я была бы еще теснее связана с кино. Но, по большому счету, я бы не променяла на другую биографию то, что со мной произошло и происходит благодаря его священству.

Книжная вселенная в сочетании с мирком, устроенным для меня родителями, была невыразимо прекрасна. Но все же не настолько, чтобы я не замечала сложностей, которые в полной мере присутствовали в жизни коммунальной квартиры. Например, очереди в ванную, чтобы умыться утром, и обязательный набор коммуналки – запойный пьяница, стукач, скандалистка. Или дежурства по уборке квартиры. Они распределялись в зависимости от размеров семьи. Так, семья из двух человек мыла коридор, туалет, кухню две недели подряд. Трое членов семьи обязывались убираться три недели. Три недели поначалу были и у нас. Спустя несколько лет маме приходилось вычищать отхожие места шесть недель подряд.

Потом, когда я стала совсем взрослой, долгие годы мне казалось, что тяжелее коммунального быта ничего не может быть. Сама мысль оказаться разным семьям, ничем не связанным, более того, очень различным по менталитету, образованию, интересам, на долгие годы заключенным на одной территории казалась невыносимой. Так было до тех пор, пока я не познакомилась с поповичем Сергеем Шмеманом. Его семье когда-то пришлось поселиться в семинарии:

Мне исполнилось шесть, когда мы переехали в Америку – отца как профессора пригласили в Свято-Владимирскую академию. Тогда это было совсем маленькое учебное заведение: тридцать студентов расположились в нескольких квартирах одного здания в Нью-Йорке. Один этаж занимали библиотека и часовня: между двумя комнатами пробили стену. Там было открыто только во время учебного года. Мы жили наверху и на молитву спускались в часовню. У нас квартировались трое студентов, а спальных комнат было две.

Это все было очень тесно, дружно и бедно настолько, что студенты сами питались, где и как сумеют.

А в 1962 году, мне как раз исполнилось 12 лет, отец нашел в пригороде место гораздо лучше. Там была отдельная, совсем новая церковь, красивые здания для студенческих общежитий. И у нас появился свой дом. Но тут я уехал в школу (хотя и приезжал на каникулы и в праздники). Дом был примерно в километре от семинарии, и отец всегда ходил пешком, он любил пешие прогулки. Его знали все соседи, поскольку он ходил по улицам в рясе. У меня там появилось много друзей, со многими мы продолжаем дружить по сей день. И со священниками, которых мы выпустили, я до сих пор на связи, а мои сестры вышли замуж за священников. Мы жили будто одна семья. Сейчас мое поколение уходит на пенсию. Оба моих зятя на пенсии. Они продолжают служить, но уже не являясь настоятелями: отец Фома Хопко теперь служит только в монастыре¹, отец Иоанн Ткачук закончил свою деятельность в Монреале. В определенном смысле большая часть нашей жизни – Свято-Владимирская семинария.

Однако не хотелось бы долго живописать невыносимые трудности бытия, а потому предлагаю оказаться вместе со мной в середине шестидесятых, когда родилась я – первая внучка на оба рода, а значит, пока единственная дочь. Папина ветвь включала бабушку Марусю и дедушку Васю, живущих в подмосковном Дмитрове. Это потом, гораздо позже, моя сестра Таня высчитает, выведает, что род наш теряется (или, наоборот, обретается) еще в петровских временах. Бабуля была честным, бескорыстным и бесконечно преданным делу учителем математики. Не везло оказаться в ее поле зрения лентяю или ученику, не любящему математику: Мария Семеновна мгновенно пускала в ход всю силу своего убеждения, оставляла на дополнительные занятия, вечерами ходила по домам заниматься с отстающими. Это не было жертвой – так бабушка понимала долг учителя. Свою любовь к точным наукам она безуспешно пыталась передать и мне в самом малолетстве, приучая складывать яблоки или вычитать груши в саду, но моя бесталанность в столь любимой ею математике проявилась тогда же, когда я с легкостью научилась читать. Дело с передачей знаний шло настолько трудно, что даже бабушка Маруся поняла: ее первой внучке никогда не стать математиком. И сдалась, лишь изредка пытаясь укоризненно придумывать задачки.

О дедушке Васе помню лишь, что он был очень красивым. И добрым. Кроме того, в моей памяти сохранилось, что у него был редкий талант обнаруживать вещи в самых невообразимых местах. Дело, признаюсь, ограничивалось только одной вещью, вернее, жидкостью, обладающей большим градусом: ее он унюхивал, вычисляя местонахождение сквозь все преграды и расстояния. Но однажды нюх его подвел. Мне исполнилось лет пять-шесть, когда в Дмитрове затеяли торжество. По периметру комнаты поставили столы. Селедка укуталась шубой, оливье медленно, но необратимо скукоживался в тепле. Между тарелками вздымались бутылки

¹ Скончался 18 марта 2015 г.

с напитками. Любыми, кроме детских. Бабуля, заметив недочет, отправила дедушку в подпол – достать бутылку грушевого сока (его я любила больше других), который она заготавливала летом, если грушевое дерево переставало капризничать и давало урожай. Бледного, чуть мутного сока налили в граненый стакан. Я сделала большой глоток... Кто начал кричать первым, уже не вспомнить. Точно не я, потому что я пыталась продышаться, порядочно глотнув самогона. Мама требовала срочно уехать, папа невозмутимо уверял, что протрезвею я быстро. Бабушка, спрятавшая самогон рядом с соком, обвиняла дедушку в том, что он его не нашел и не выпил.

Если серьезно, то, что дедушка выпивал, никак не укладывалось в рамки нашей семьи. Как и то, что он работал на заводе. И неслучайно. На самом деле дедушка был летчиком. Папа вспоминал о нем: «Отец учился в педагогическом институте в Москве, там они и познакомились с мамой. Последний перед войной год он преподавал летное дело в городке Ораниенбауме в Ленинградской области, и оттуда его взяли на фронт. Довольно быстро он попал в плен, потому что его контузило во время боя. И потом переводили из города в город, из лагеря в лагерь. Отовсюду он пытался совершить побег и всюду неудачно, но, слава Богу, остался жив. А мама моя ждала. Она как-то рассказала, что, когда мы жили в Алтайском крае, куда нас эвакуировали, ей приснился сон: по небу летит множество красивых икон. Для нее словосочетание „красивые иконы“ было не имеющим никакого смысла – красивым может быть пейзаж. Но оттуда ей сказали: „Он жив“. Иконам она значения не придала, а информации, которую они передали, поверила. И дождалась. Мы вернулись назад в Петергоф, в Петродворец, и мать привезла отца из последнего лагеря в Латвии в 1945 году, в 1946-м родилась сестра Вера. Отца забрали, когда я учился в пятом классе. И какое-то время мы не знали куда. Прожили так несколько месяцев. Хорошо, что сохранились точные сведения, что он не был предателем, поэтому его не высылали никуда, но с военной службой было, конечно, покончено – он считался человеком опасным. В конце концов отец стал главным механиком на заводе и умер довольно молодым, ему было немногим за шестьдесят».

Дедушка Вася был на фронте, бабушке приходилось очень непросто. И не только в бытовом плане. Хотя тогда для папы самой вкусной едой были оладьи из картофельных очисток, а самое любимое блюдо и сегодня – макароны или гречка с сахаром. Была у бабули особая, личная драма: она хранила письма мужа, но никому никогда не показывала. А ведь в то время подружки ходили друг к другу читать вести с фронта. Не показывала потому, что стеснялась: каждое письмо дедушка, подшучивая над женой, подписывал «Любящей Марусе от любимого Васи». Память об этой эпистолярной несуразице она переживала до конца жизни.

Мамина мама, бабушка Таня, была педиатром. Она приехала в Москву из Ржева, где ее отец был известным протодиаконом. Бабушка рассказывала, как его расстреляли немцы за то, что он отказался петь им гимны. Гораздо позже я поняла, что она боялась сказать правду: вероятнее всего, он был убит большевиками. Преступление было тем же – прадед отказывался петь песни, но... прославляющие советскую власть. Я высчитала это довольно просто: к 14 октября 1941 года, когда немецкие войска заняли Ржев, бабушка уже окончила в Москве медицинский институт. Значит, из родного Ржева она уехала не позднее чем в середине 1930-х, когда и намек не было на военные действия. Так что расстрелять ее отца могли только по приказу местной власти.

Диплом педиатра баба Таня получила 21 июня, и, конечно, ее должны были бы отправить на фронт. Но незадолго до окончания института она вышла замуж и к лету была в положении, поэтому ее направили сопровождать эшелоны с детьми, эвакуируемыми из Москвы на Урал. На стоянках они с двумя медсестрами (столько взрослых полагалось на состав, забитый детьми) по очереди добежали до полустанков, где им выдавали по ведру каши и кипятка. И обратно. Ехала она так не один месяц, поэтому у моей мамы, появившейся на свет 11 декабря, местом рождения значится «ПГТ Чишмы в Башкирии». Там эшелон остановился на время

бомбежки, после чего прямо на станции удостоверились, что ребенок жив, и поезд отправился дальше. Эта история из жизни моей бабушки спустя полвека получила неожиданное продолжение. Недавно мне предложили сделать интервью с Робертом Турманом (отцом актрисы Умы Турман). За организацию его отвечала переводчик Наташа Иноземцева, с которой меня свела поповна Соня Кишковская. Пока мы вели переговоры, настало 9-е Мая. Вспоминая наших родных, мы неожиданно выяснили, что не только учились в одной школе, Наташина мама тоже родилась в 1941 году на Урале: ее бабушку, бывшую на сносях, одним из первых составов отправили из оккупированной Москвы. Мне хочется думать, что Наташина бабушка оказалась в поезде, который сопровождала моя бабуля.

Надо сказать несколько слов и о дедушке, которого я никогда не видела. Бабушка о нем не говорила. Но однажды, пересматривая немногочисленные фотографии, хранящиеся у нее, я наткнулась на черный конверт. В нем была всего одна карточка: бабушка – совсем молодая, какие-то незнакомые люди возле гроба. «Это твой дедушка. – Она быстро убрала фотографию обратно. – Он умер, когда Наташа была совсем маленькой». Когда бабушка умерла, никто из пятерых ее братьев и сестер (всего их было девять, но трое умерли еще в детстве, потому она и стала педиатром) не приехал на похороны. Среди бабушкиных вещей мама нашла книжку, свидетельствующую, что в 1945 году ее отец, Леонид Васильевич Преображенский, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Тогда мы поехали в Люберцы к бабушкиной сестре тете Лере: мама хотела узнать, почему никто не пришел проститься с сестрой. Оказалось, что дедушка был высокопоставленным лицом и даже получил награду как отличник снабжения народного хозяйства нефтепродуктами при Совнаркоме СССР. Однажды его вызвали с докладом к Сталину. На следующий день он умер от внутреннего кровотечения: во время «встречи» ему отбили все органы. Семья сразу же прекратила общение с бабушкой. И в тот раз тетя Лера, рассказав маме о ее отце, отправила нас домой со словами, чтобы мы к ней больше никогда не приходили.

Судьба моих дедов и прадедов немногим отличалась от судеб родни других детей священников. Бабушке и дедушке Сони Кишковской, дочери отца Леонида, пришлось бежать из послереволюционной России не ради самих себя – чтобы спасти детей:

В Библии постоянно говорится про родословные. Когда я была маленькой и слышала, как в храме читали Священное Писание с родословной Авраама и Христа, меня эти имена и связь между прошлым и будущим всегда завораживали.

К счастью, я могу подробно рассказать про нашу семью. Мамин дедушка, князь Щербатов, был государственным деятелем. Он увез своих детей из России во время революции и Гражданской войны. Моя бабушка, которую я не застала, – урожденная Мария Николаевна Щербатова, в Париже вышла замуж за Федора Яковлевича Куломзина, сына Ольги Федоровны Мейендорф, и молодожены переехали в Канаду в 30-х годах. Там, в Квебеке, родилась моя мама, Александра Федоровна Куломзина, которую до сих пор в семье зовут Мими.

Папина семья после революции тоже была вынуждена бежать и оказалась в Польше. Папин дедушка, Иван Антонович Кишковский, был учителем. Его сын, папин папа, Александр Иванович родился в Украине под Уманью. Когда семья переходила советско-польскую границу, Иван Антонович дал себе слово, что, если они выживут, он станет священником. Мои родители совершенно случайно узнали у одной русской эмигрантки в Сан-Франциско, что в разные моменты в родовом имении ее семьи на польской стороне границы приютили и мамину семью, и папину, когда они бежали от большевиков. Иван Антонович сдержал слово – он стал отцом Иоанном и служил в Польше.

Мой папа, Леонид Кишковский, родился в Варшаве во время войны, в 1943 году, в самое страшное время. Папиным родителям, чтобы спастись, пришлось бежать из Варшавы, и бабушка была вынуждена оставить своих родителей, которые погибли, но никто не знает, кто их убил – нацисты или Красная армия. Когда папе исполнилось восемь лет, бабушка и дедушка оказались в Америке. Семью Кишковских поселили в Лос-Анджелесе рядом с собором, где настоятелем был отец Дмитрий Гизетти, двоюродный брат патриарха Алексия II. Папа прислуживал в храме и, как я понимаю, благодаря отцу Дмитрию стал священником. Отец Дмитрий, который стал папиным духовником, познакомил его с отцом Александром Шмеманом, и под их влиянием папа поступил в Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке, где он встретился с мамой на молодежном съезде. Венчались они в Канаде под Монреалем, их венчали отец Иоанн Мейендорф² и отец Александр Шмеман.

От нового, коммунистического строя пострадали не только бабушки и дедушки. Отец Анны Ильиничны Шмаиной-Великановой, священник Илья Шмаин, отбывал срок по доносу своего знакомого.

Мои папа и мама происходили из очень непохожих социальных кругов. И ни тот ни другой никак не были связаны с Церковью. Мама из семьи уникальной. Я имею в виду, что мои дед и бабка по матери были сознательными борцами с советской властью и людьми с невероятно широким кругозором. Когда мои родители познакомились, маме было четырнадцать лет. Она уже хорошо знала Новый Завет, потому что Библия у деда всегда стояла на столе. Для него само собой разумелось, что культурный человек – это тот, кто знает Библию, кто соотносит свою жизнь с Нагорной проповедью. При этом порога храма он никогда не переступал, считая, что это место для православных христиан, а он неправославный, и нечего ему ходить и глазеть. Он был христианин по внутреннему чувству, но не принадлежал к какой-то конфессии. В таком же духе им была воспитана мама. И к крещению он был абсолютно терпим, в то время как от папиных родителей крещение нужно было скрывать. Они никак не могли согласиться с тем, что это не означает предательства своего народа – слишком крепко это было впечатано побоями и истязаниями во время еврейских погромов, в которых участвовали те, кто называли себя православными. Поэтому путь к Церкви у папы и у мамы был совершенно самостоятельным и разным.

Мама крестилась в ранней юности, сразу после ареста папы и его друзей. Она обратилась ко Христу, ходила в храм Ильи Обыденного, иногда и в другие московские храмы, но не сближалась ни с какими церковными кругами и ни с кем про свое крещение не говорила. Тихо молилась в храме и дома и читала Евангелие. Тем временем в лагере папа встретился с разными людьми. Общался с непоминающими³, которые его гоняли, а он за ними

² Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992) – священнослужитель Православной Церкви в Америке, богослов, патролог, византист и церковный историк.

³ После ареста в 1925 г. Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского) заместителем Патриаршего Местоблюстителя стал митрополит Сергей (Страгородский). В 1927 г. он подписал Декларацию о лояльности Церкви советской власти. Многие священнослужители и миряне не приняли церковную политику митрополита Сергея и не стали поминать его имя на богослужении после имени митрополита Петра. Часть «непоминающих» некоторое время продолжала служить в храмах, другие ушли в подполье. Очень многие погибли в 1930-е гг. Когда патриархом в 1945 г. был избран митрополит Алексий (Симанский), большинство из оставшихся «непоминающих» воссоединилось со священноначалием Русской Православной Церкви.

все равно ходил. Видимо, это были иосифляне⁴, потому что они были очень откровенными антисемитами, и папу это страшно мучило. Мама присылала ему в лагерь стихи Пастернака из «Доктора Живаго», и во многом эти стихи сыграли главную роль в его воцерковлении, в обращении не только ко Христу, а именно к Православию, к Церкви, которое из него никогда уже не выветрилось. А когда они с мамой встретились (2 октября 1954 года он вышел из лагеря), очень скоро они поженились, и уже в октябре 1955 года я родилась.

Так, с двух сторон папу побуждали к действию, но еще несколько лет он не решался креститься, главным образом из-за родителей. Нельзя сказать, чтобы он очень сильно уважал их мнение, но он любил и жалел их. Дед мой стой стороны, Ханан Моисеевич Шмаин, кинорежиссер, пошел добровольцем в московское ополчение в первые дни войны, почти сразу был ранен, попал в плен к румынам и четыре года провел в плену у нацистов. Чудом спасся. Семья бабки, Лии Львовны Бродзинской, бежала из Польши в СССР. В общем, им было невозможно принять крещение сына, и папа боялся нанести им такую рану, которая вынудит расстаться навсегда. Однако в какой-то момент его сомнения кончились, и в Великий Четверг 1963 года он крестился официально (тогда он не знал, что можно иначе) в храме Иоанна Воина на Якиманке при невероятном стечении народа. О том, что такое Великий Четверг, он узнал позже, но уже не считал это просто совпадением. И дальше он стал очень быстро воцерковляться. Поэтому дочерью священника я стала в 1980 году.

Об отце Александре Шмемане известно довольно много. Поэтому я попросила его сына Сергея рассказать немного о маме, матушке Ульяне:

Мама выпустила книжку, где она описала свою жизнь, называется очень просто «Моя жизнь с отцом Александром».

Мама родом из имения Сергиевское. Ее дедушка был священником, и все в их семье Осоргиных были очень церковными, жили настоящей духовной жизнью. Кстати, первым приходом моего отца стал их семейный храм. Так что для нее церковная жизнь абсолютно естественна. Она с детства пела на клиросе, знала все службы. И когда мы построили часовню в Канаде, она была там и чтецом, и регентом. Она поддержала отца в идее переехать в Америку. Это было сложное решение – уехать с маленькими детьми, бросить привычную эмигрантскую французскую жизнь, окунуться в авантюру Православия⁵ в Америке. И она сумела войти в этот новый мир, они оба влюбились в Америку, поверили в нее как в страну, которая дает огромные возможности.

У нее, в общем, была своя жизнь, была самостоятельная профессиональная жизнь, потому что как ректор семинарии отец получал незначительное жалованье. Так что она всегда преподавала французский и русский языки и даже на какое-то время стала директором школы в Нью-Йорке, ежедневно ездила туда на машине. Девочки, с которыми она

⁴ Иосифлянство возникло в конце 1927 г. как протест против смещения с Ленинградской кафедры митрополита Иосифа (Петровых). Его сторонники отказывались признавать заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) законным управляющим Русской Православной Церкви. К середине 1940-х гг. иосифлянское движение как обособленное и организованное направление в русском Православии прекратило существование. Часть из немногих выживших в лагерях иосифлянских деятелей вместе со своей паствой примирилась с Московской Патриархией.

⁵ По всей видимости, С. Шмеман имеет в виду разнообразие юрисдикций и неопределенность канонического статуса Православной Церкви в Америке до 1970 г., когда, во многом стараниями прот. Александра Шмемана, она получила статус автокефальной Поместной Православной Церкви, предоставленный ей Русской Православной Церковью. Однако эта автокефалия до сих пор не признается многими поместными Православными Церквями.

занималась, очень ее любили, по сей день ко мне иногда обращаются: «Вы сын мадам Шмеман?» Жили они трудно, но отец всегда считался с мамой, они все обсуждали... Мама до сих пор много занимается его жизнью, работает с архивами, хотя формально передала их мне, ведь ей немало лет.

А в роду отца Владимира Правдолюбова, сына протоиерея Сергея Правдолюбова, были даже новомученики и исповедники:

Бывало, что я своей по-юношески рациональной мыслью пытался критически проанализировать евангельский текст, а когда слышал читаемые отцом за богослужением исполненные Божественной силы слова Господа Иисуса Христа, то все эти попытки рационализировать слово Божие расшибались в пух и прах: Бог говорил со мной голосом моего отца, голосом, который я слышал с младенчества, с детства. Так что к тому времени, когда я стал осознанно, с работой сердца и ума понимать слово Божие (в первую очередь Страстные Евангельские чтения), была спасена моя вера. И я понял: не могут быть фальшивыми, наигранными или слепо-фанатичными подвиги мучеников, подвиги отцов и дедов, шедших на смерть за это Слово – так идут умирать за Истину. А пока открывал для себя Евангелие, молитвенно обращался ко всем отцам нашим, мученикам, исповедникам Правдолюбовым. Мой прадед, священно-исповедник протоиерей Сергей, закончил Киевскую духовную академию, был великолепным проповедником и знатоком архиерейской службы. В двадцать шесть лет был назначен настоятелем Троицкого собора слободы Кукарки (город Советск Кировской области) и благочинным первого округа Яранского уезда Вятской епархии, был законоучителем девятиклассной женской гимназии, двух мужских средних училищ и председателем педагогического совета гимназии.

Дед, отец Анатолий, обладал удивительным свойством: он никогда не нервничал, не переживал – что будет. Наверное, сказались Соловки, куда он попал в 20 лет вместе с отцом и дядей. Хотя сам он вспоминал: «Я с детства такой был. Никогда никого не боялся и не волновался. Архиерейская служба. Мне говорят: „Иди и говори проповедь“. Я выхожу и говорю проповедь. Вообще без волнения». Это дано ему было вместе с особым проповедническим даром слова.

Бабушку я застал только одну – по линии матери. Дедушку, бабушку по папиной линии – священнической – и не могу помнить. Хотя бабушка Ольга, папина мама, когда мы родились, была еще жива. Все, что я знаю о них, – только по фотографиям и рассказам родственников да сохранившимся аудиопленкам воспоминаний дедушки. И я отчетливо помню впечатления от дедушкиного кабинета. Мы в него входили, как в храм: аналой, иконы, книги и запах – тонкий аромат старинного ладана, простого и исключительно церковного. Вообще церковный запах – им был наполнен дом. Он до сих пор для меня самый родной. Так пахли старинные дедушкины облачения, точно так же пахло от отца, приходившего со служб. Всю жизнь, с раннего детства, этот запах ассоциируется с богослужением, с храмом, со служением Богу и людям, которому посвящали себя даже до смерти прадеды и деды и преемственно посвятил отец.

Замечательный род и у матушки Таисии Бартовой-Грозовской:

Мой сын точно может гордиться: его отец, священник Андрей Грозовский, – ключарь Николо-Богоявленского Морского собора в

Петербурге. Оба дедушки – священники: отец Геннадий Бартов (настоятель Свято-Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка) и отец Виктор Грозовский (клирик Князь-Владимирского собора), он скончался 30 декабря 2007 года. И еще прадедушка сына, отец Борис Бартов, которого тоже уже нет с нами. Он был удивительным священником, старейшим клириком Пермской епархии, почетным гражданином города Кунгура. Он умер 6 февраля 2013 года, и на его отпевание пришел почти весь город. Я говорю об этом не потому, что он мой дедушка, а потому, что его очень любили и любят люди. Он прожил духовно богатую жизнь, и мне посчастливилось быть с моим дедушкой в день 60-летия его священнической хиротонии. Его знал покойный Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, знали многие батюшки из Санкт-Петербурга. У дедушки была непростая, но удивительная жизнь.

Были такие времена, когда, уходя на службу, он по-настоящему прощался с семьей, не зная, вернется ли. Слава Богу, ему удалось избежать ареста. Более 40 лет он был настоятелем Всехсвятского храма в Кунгуре, а в 1998 году взялся за восстановление Спасо-Преображенского храма, в котором служил до последних дней своей жизни. Когда дедушка умер, мы все приехали из Петербурга, чтобы проститься с ним. Более светлых похорон я не видела никогда в жизни. Он написал завещание, чтобы на его похоронах не было ни одного цветка, чтобы люди не говорили хвалебных речей в его адрес. Предсмертная записка заканчивалась словами: «Иду на суд Божий». Дедушка – эталон не только современного батюшки, он тот идеал священства, к которому надо стремиться.

И конечно, та атмосфера духовности, что царила в семье, не могла не отразиться на его детях. У отца Бориса трое сыновей и одна дочка: Геннадий, Михаил, Василий и Елена. Мой папа – отец Геннадий – самый старший. После армии он поступил в известный в СССР медицинский институт в Перми. Отучившись всего два курса, папа понял, что это не его. Он сказал: «Папа, я уезжаю в Ленинград. Хочу поступать в Духовную семинарию». Дедушка начал его отговаривать, потому что понимал, как тяжела жизнь священнослужителя. Что означало в то время сознательное решение встать на священнический путь? На что себя человек обрекал? Стать изгоем, оказаться вне социума. Помоему, сегодня мало кто может осознать, насколько в то время в нашей стране было непросто.

И все же папа получил благословение. Поступил и блестяще окончил Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия. И с тех пор вся его жизнь связана с этим городом. Мне кажется, он достиг очень многого. Прежде всего, стал хорошим священнослужителем. Это слова тех людей, которые его знают, которые являются его прихожанами. Его уважает духовенство. Более 10 лет он занимал пост секретаря епархии при митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Владимире и восстанавливал огромный Свято-Троицкий собор. Это колоссальный храм, чуть меньше Исаакиевского собора, открылся он только в 90-е годы XX века.

Восстановление началось практически с нуля. И продолжается по сей день.

По понятным причинам своего появления на свет я не помню, но и этот пробел был восполнен пару лет назад, когда мы подружились в Facebook с отцом Владимиром Зелинским. Оказалось, что в те времена он был в приятельских отношениях с моими родителями и именно отец Владимир узнал обо мне первым: счастливый отец позвонил ему из телефона-автомата

возле роддома, чтобы рассказать о рождении дочери Маши. «А теперь я пойду выпью за нее», – заключил папа. Выходит, мне были рады и родители, и их друзья. Мои же самые первые воспоминания связаны не с жизнью в Басманном, а с Дмитриевым: мне было полтора года, когда папина сестра Вера взяла меня с собой на первомайскую демонстрацию, где я потерялась, а заведя тетю, бросилась к ней со счастливым рыданием: «Мама, мама!» Помню, как мы поехали с мамой в деревню летом, где жили гуси, которых, мне казалось, я не боялась, поэтому сначала, грозно помахивая веточкой, гнала их от дома, а через несколько мгновений, забыв и о собственной важности, и о веточке, убегала от разъяренного кусающегося гусака. Как я любила прыгать на кровати и однажды не заметила, что папа поставил на нее чайник с кипятком. Обваренные ноги покрылись страшными волдырями, и меня срочно отвезли в Филатовскую больницу, где их срезал доктор в очках, окруженный группой темнокожих студентов – совершенного чуда по тем временам. Чего я совсем не помню – как научилась читать. Пришлось поверить родителям на слово, что произошло это, когда мне исполнилось три года. С тех пор почти пятьдесят лет читаю безостановочно.

А самым ярким детским воспоминанием Сергея Шаргунова (сына протоиерея Александра) оказался поджог, устроенный им дома:

Как ты знаешь, вокруг батюшки всегда образуются разные тетушки. И одна папина помощница на меня жестко наехала. У него в «Литературной газете» вышла статья про Елизавету Федоровну⁶. Первая папина публикация в газете, а я ее не прочитал. Она негодовала: «Ах, так ты еще не прочитал статью своего отца?» А мне было тогда семь с половиной лет. Я как-то обиделся. Вошел в комнату и поджег вату, которая была на подоконнике. А там еще лежали журналы «Наука и жизнь», и все вспыхнуло большим костром. Загорелись занавески. Это была, я думаю, такая нервическая реакция. На самом деле дети священников, как правило, нервные люди. Связано это не только с их родителями, а с особой атмосферой. Мне рассказывала хорошая знакомая, как священник взял гитару своего сына и сломал через колено. Потом открыл книжку современного писателя и, обнаружив на какой-то странице непечатное слово, порвал ее в клочья. Тебе это все понятно и знакомо, да? И как это отражается на психике?

Единственной дочерью, внучкой и племянницей я была недолго, лишь до пяти лет. Как-то раз мама исчезла, а потом вернулась с друзьями, родней. Раздевшись, положила на кровать сверток, и все склонились над ним, не обращая на меня внимания. Обрадовавшись – мамы не было несколько дней – и чтобы привлечь внимание, я полезла на кровать (предварительно удостоверившись, что на ней нет чайника с кипятком), начала прыгать, и тут кто-то велел слезть с кровати, потому что я мешаю и могу разбудить сестру. Кто такая эта сестра, я не знала, но довольно быстро поняла, что значит быть старшей. И удовольствие оказалось минимальным. Однажды мама ушла в магазин, а оставшаяся под моим присмотром новорожденная Даша молниеносно решила продемонстрировать мне, что ее кишечник работает отлично. Так, в пять лет мне довелось пройти ускоренный курс молодой мамы под руководством нашей соседки тети Капы, обучившей меня мыть и пеленать грудничка. С закрытыми глазами справлюсь: марлевый подгузник косынкой, сатиновая пеленка, байковая в цветочек...

Старшей была не только я. Но и матушка Таисия Бартова-Грозовская:

Родители мне помогли, показав, что мир несовершенен и надо быть готовой ко всему. Как многие мужчины, папа хотел первого мальчика, но

⁶ Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова (1864–1918) – преподобномученица, основательница Марфо-Мариинской обители в Москве.

родилась я. Он заложил и воспитал во мне ответственность за мои поступки. Так что с детства, где-то с класса седьмого, знаю, что много чего в жизни приходится делать, потому что надо, а не потому что хочется. Я запомнила это очень хорошо, возможно, потому, что я – старшая дочь. Моя любимая Машенька младше меня на восемь лет, и она совсем другая. Мы внешне очень похожи, хотя я в маму – блондинка (она настоящая блондинка скандинавского типа), а Маша темненькая (в папу). А по характеру я более активная, мне не сидится на месте, постоянно надо что-то делать, куда-то бежать, а Маша... Может, в силу того, что она родилась в Хельсинки, в ней отразился тот финский менталитет. Она спокойная, никуда никогда не торопится. Меня уже мучают сомнения, терзания, а Маша еще и думать не начала об этой проблеме. Получается, что мы с ней внешне похожи, а внутренне противоположности. Как день и ночь. Но так сплошь и рядом бывает. Я даже специально не очаровывалась людьми, чтобы потом жестко не разочаровываться. Видимо, меня, как первенца, родители сумели предостеречь оттого, что приносит разочарование.

На самом деле мне очень нравилось быть взрослой, а старшинство подарило немало радостей. Но иногда хотелось быть младше кого-то. И как же сейчас жаль, что тогда я понятия не имела о том, что у меня есть еще одна сестра. Пусть не родная, лишь по духу, зато старшая. Увы, о том, насколько мы духовно близки с Анной Ильиничной Шмаиной-Великановой, я совсем недавно узнала во время нашей первой встречи. С ней бытовая сторона, может, и не сделалась бы легче, но жизнь наверняка стала бы намного интереснее. «А вы знаете, что ваш папа – мой крестный?» – поинтересовалась Анна Ильинична. Я не знала.

Летом 1967 года после нескольких месяцев сомнений, чтения Евангелия и бесед с родителями я решила креститься. Мне было двенадцать лет, моей ныне покойной сестре Тане – пять. У нас было очень мало знакомых, имеющих отношение к Церкви (мы с сестрой были еще маленькие). И я не знаю, кто сказал, что есть Влад. Я прекрасно помню, как мы познакомились, потому что спустя много-много лет он приехал в Париж, пришел к папе, и мы вместе восстановили события. Мы встретились в начале сентября 1967 года довольно поздно вечером на Киевском вокзале, откуда поехали на станцию Перхушково. Он привез нас к старому священнику отцу Николаю, которого я видела тогда первый и последний раз. Вопросов задавать не следовало. Влад сказал, что нужна крестная. И мы взяли с собой Аллу Гусарову, жену писателя Евгения Борисовича Федорова, не слишком церковную, даже я не уверена, что глубоко верующую, но, безусловно, русскую православную и крещеную. В храме мы встретились с незнакомыми людьми, как я теперь понимаю, это были Емельяновы⁷. Была там девочка Аня – точно как моя сестра. И был маленький мальчик по имени Коля. Мы все были уверены, что видимся в первый и последний раз, никто не предполагал (в целях конспирации) углублять наше знакомство. Отец Николай перед началом крещения спросил: «Кто будет восприемник?» Оказалось, что восприемника нет. Тогда он позвал: «Влад». Тот подошел и мужественно встал рядом со мной.

На обратном пути мы стали жадно спрашивать про литературу. Влад был несколько удивлен, что кто-то интересуется именно литературой, а не

⁷ Известная в церковных кругах московская семья, из которой впоследствии вышло несколько священников.

тем, в какой храм пойти. И сказал читать Гоголя «Записки о Божественной литургии», но мне не покатило.

Дальше наша церковная судьба складывалась очень благополучно, потому что папа ходил по разным церквям, присматриваясь к священникам, и нашел отца Владимира Смирнова⁸ в храме Ильи-пророка в Обыденском переулке. С тех пор, с 68-го года, мы тихо ходили к нему, поэтому почти ничего другого и не видели.

Отчасти завидую Володе Правдолюбову – ему повезло быть с братом одного возраста:

Мыс братом – двойняшки, как два коня – холка в холку, шли рядышком. При этом с самого раннего возраста у нас в семье Толя всегда считался старшим. Он и вел себя всегда как старший, дружил с ребятами более взрослыми, много читал, и я сам к нему относился как к старшему, главному, что ли. Было не без споров и драк, но до смертного боя не доходило, слава Богу. Но с определенного момента у меня некоторые жизненные события стали чуть раньше происходить. Я раньше брата женился, раньше дети появились, раньше рукоположился. А так – в школе в одном классе, в институте в одной группе и на одной кафедре. Оба преподавали. Мы даже вместе в музыкальной школе играли на одном инструменте. Я сейчас вспоминаю: три дурачка – я, брат Толя и друг детства Костя, – все трое пошли на один инструмент – кларнет. Выбрали кларнет. Нет чтобы гобой, саксофон или валторну! Помню, поступали мы в музыкалку. еще не определились с инструментом. Звонит Костя: «Вов, я пошел на кларнет. Мне будет скучно. Давай со мной», – «Ну, давай». Вместе с Костей пошел на один инструмент. Прошел год, Толя попробовал себя на фортепьяно, не получилось, и он тоже переходит на кларнет. И всю семилетку все трое на кларнетах отдуели. А ведь какие могли делать классные духовые ансамбли, если бы выбрали, допустим, кларнет, гобой и саксофон!

Жизнь в коммуналке имела свои плюсы и минусы. О минусах – тонких стенах, невозможности укрыться, уборке общих туалета, ванны, коридора, кухне – многие знают по книгам и фильмам. А вот о шпротах нашей соседки тети Капы еще никто никогда не рассказывал. Мамы снова нет дома, Даша спит, а на кухне, судя по запахам, тетя Капа варит свой фирменный борщ на бульоне из кости. Покорно иду на запах. Но она уже закрыла крышку и теперь жарит шпроты. Спиной почуяв, что я пришла, Капитолина Сергеевна звонко рыкнула: «Ну что со спины любишься? Сюда двигай». Это было счастье. Взобравшись на табуретку, я люблюсь, как золотеют на глазах маленькие рыбки. Жалостливо вздохнув, тетя Капа достает блюдечко с мелкими розовыми цветочками по краю, сливает туда остатки масла, на котором жарила шпроты, складывает обломавшиеся хвостики рыбешек, отрезает бородинского: «Ешь!» Это был мой первый самостоятельный пир, вкуснее которого был разве что чай бабушки Тани с сахаром вприкуску (я храню, не выбрасываю ее простенькие, покосившиеся щипчики для кускового нерафинированного сахара) и черный хлеб, который надо было макать в блюдечко подсолнечного масла с солью.

Странная вещь – воспоминания. Казалось, помню самое общее, канву. А иногда кем-то оброненное слово всколыхнет что-то внутри, и они полезут, нагромождаясь одно на другое. Перед тем, как я стала писать, Ксюша Асмус спросила меня: «Насколько ты будешь откровенна?» И, раздумывая, насколько подробным и честным должен быть этот рассказ, решила, что постараюсь описать самые интересные моменты, но – с максимальной достоверностью.

⁸ Протоиерей Владимир Смирнов (1903–1981) – служил в московском храме пророка Божия Ильи в Обыденском переулке в 1954–1978 гг.

Наверное, я должна бы написать о том, насколько сложно мы жили, но не стану этого делать. Упомяну лишь, что однажды папу увезли в больницу с истощением. А ради беспощадности к себе признаюсь, что как-то раз я заметила лежащие на комоде 20 копеек. До того видела только пятачок. А тут – куча денег. Взяла. И на все купила шипучки. Несколько пачек самой лучшей, вишневой, и попроще, обычной. Шипучку можно было разводить в стакане воды, но гораздо вкуснее она казалась, если попросту откусывать – она забавно взрывалась в горле вкусом настоящей вишни. Шипучку мы с девочками разъели во дворе. Когда я вернулась домой, оказалось, что 20 копеек папа занял у друга, чтобы доехать на работу. Даже сейчас, пятьдесят лет спустя, эти воспоминания расстраивают меня.

И я совсем не собиралась вспоминать о том, как мы развлекались, во что играли. А недавно Алла Подрабинец рассказала, что ее внуки играют, используя самые невообразимые вещи, а она позволила им рисовать внутри ванной. Положим, заниматься наскальной живописью в общей ванной коммунальной квартиры мне бы никто не разрешил, зато в нашей комнате я, кажется, могла делать, что душа пожелает. Например, прижать к краю стола чем-то тяжелым одеяло, края его спустить вниз, чтобы кругом все было закрыто, а самой залезть внутрь «домика» и устроить там свой мир. Из раскладушки в полусогбенном состоянии, укрытой покрывалом, получалась отличная палатка, походившая на вигвам индейцев, если сверху накинуть покрывало и воткнуть между пружинами перья для письма с папиного стола. А если перевернуть стулья вверх ногами, положить на дно зверей и смастерить руль из подручных средств, можно было начинать путешествие по комнате на собственном поезде. Конечно, если приходили мальчики – два Алеши (Емельянов и Старостин) и Коля Третьяков, – приходилось притворяться, что мне нравится играть в «размахнись рука, развернись плечо» и устраивать битву на валиках. Не могу сказать, что я стала поклонницей ролевых игр, но искусство отражать внезапные нападения мальчишек было отточено именно тогда, еще в дошкольном возрасте.

В одно лето мы снимали дачу на 43-м километре, где жили друзья родителей Красовицкие. Взрослые горячо обсуждали все подряд: от дурных детских книг, подбор которых нужно контролировать, до новомучеников, Честертона (которого переводил дядя Стасик Красовицкий, будущий отец Стефан) и смысла литургии... Нам, детям, становилось скучно слушать их, тем не менее мысль о литургии уже прочно засела в сознании. И вот уже Миша – старший сын хозяев дома – надевает на себя одеяло наподобие ризы, мамин фартук превращается в епитрахиль, а мы с его сестрой Дусей и алтарники, и клирос. Малый вход, Херувимская, Евхаристия, Причастие...

В настоящую жизнь, конечно, играли и играют не только в моем детстве. Любая девочка наряжается в мамины туфли и платья, примеряет украшения. А потом к ней приходят подруги с куклами, и они играют в дочки-матери или в магазин. Мальчики мастерят луки из гибких веток, становясь индейцами, обтачивают мечи или шпаги, превращаясь с ними в рыцарей, достают пистолеты и начинают войну. Однако христианизированные сюжеты в советское время встречались нечасто. Похожие на наши игры были, конечно, у детей Правдолюбых. Некоторые различия все же были. Мальчики они оказались на диво сообразительные:

Я детство свое помню плохо. Хорошо помню себя года в четыре или пять. Это была одна секунда: я подкинул камень и смотрел, как он падает мне на голову. Помню, папа показывал дедушкино облачение: епитрахиль, кресты. Как мы играли в священников – ризы делали из платков. Кропили что-то, имитировали совершение богослужений: игры были совершенно естественные для священнических семей, думаю, во все времена. Очень комичный эпизод произошел в семье моего двоюродного брата Алексея. Его дети играли в крестный ход с окроплением «молящихся». Кропили, как положено, с молитвой «Господу помолимся, рцем вси». Только вместо воды они взяли

детский горшок с... так сказать, тяжелой артиллерией. И пока родители были на кухне, они «окропили» весь дом. Какой там был разгон, это кошмар! А кто-то из наших родственников крестил котят. Хоронили птиц мертвых, мышей «отпевали», хоронили на импровизированном «кладбище».

Надо признаться, мы не только играли. В шесть лет я сочинила первую сказку – о троне и напечатала ее на папиной печатной машинке (обе – и сказка, и машинка – хранятся у меня в столе). А однажды вечером к машинке подсел дядя Коля Емельянов: допечатать то, что он не успел дома. Его семилетний сын Алеша сочинил рассказ «Поездка в Красное», чтобы подарить мне на шестилетие.

«На следующий день нам сказали, что сегодня ночью будет Пасха, когда воскрес Иисус Христос. Этот день прошел также: покатались в коляске, Аня покармила индюков и кур. А когда было 5 часов, то мы с Аней легли спать. Читатель спросит, почему так рано. Потому что сегодня в 12 часов мы собирались на службу. Но заснуть мы не смогли – нам так хотелось пойти погулять. Заснули мы с Аней в одиннадцатом часу ночи, и то нам не хотелось засыпать, и мы сказали, чтобы нас обязательно разбудили. Без двадцати минут двенадцать мама с папой начали нас будить. Но мы никак не могли проснуться. Тогда папа посадил мне на кровать котенка, которого звали Пушок. Он полез ко мне и нечаянно царапнул меня. „Ой-ой-ой!“ – закричал я и засмеялся. Сразу повеселел, оделся и пошел на улицу».

Через сорок лет я вернула Алеше, теперь уже священнику отцу Алексею, его рассказ: мы напечатали его в издательстве при храме Космы и Дамиана на Маросейке.

Дядя Коля – Николай Евгеньевич Емельянов⁹ – был каким-то до невозможности настоящим. Настоящим мужчиной, христианином, папой. Я его побаивалась, испытывала восторженный трепет, и одновременно он внушал самые добрые, сердечные, странно щемящие чувства (когда человека хочется защитить от мира, бережно укрыть). Хотя, пожалуй, так можно сказать обо всех папиных друзьях. Математики, художники, писатели, переводчики – профессии, безусловно, были важны, но вторичны перед их настоящестью. Нами, детьми, больше всех занимался дядя Коля. Он, например, считал, что каждый человек должен приходить в Кремль хотя бы раз в месяц и не отступал от этого правила никогда: водил туда сначала детей, а потом и внуков. В моем детстве храмы в Кремле были закрыты или работали как музеи, но ему было важно оказаться внутри стен, где история его страны и его Церкви представляла воочию. С ним мы исходили немало улиц нашего города. А летом дядя Коля организовывал для нас походы: Радонеж, Дивеево, Печоры. Мы ночевали в палатках, сами готовили на костре, пели духовные песни (практически утерянный сегодня жанр), которые он бережно собирал в тетрадочку... Уже тогда я поняла, что походы и жизнь без условий – не самое любимое мое занятие. Рюкзаки были огромные, тяжелые – мы тащили с собой палатки, спальники, еду. А у меня еще и неприменная подушка, обеспечивавшая минимум удобств, – мне не нравилось спать на сложенном в комок свитере. А вот любовь к странствиям прочно поселилась во мне и преследует по сей день. Как и бесконечное обожание настоящей Москвы. Впрочем, об узнавании ее расскажу чуть позже.

Семья наша разрасталась. После Даши появилась Таня и последним Петя. Стало довольно тесно, что никоим образом не влияло на главное правило: приличной барышне, пусть и живущей в коммуналке, надлежало получить классическое образование: французский, литература, музыка. Уроки я делала за обеденным столом (письменный не помещался), читать можно было и лежа на кровати, а вот виолончелью приходилось заниматься на общей кухне – в

⁹ Емельянов Николай Евгеньевич (1939–2010) – профессор, доктор технических наук, работал в области информатики. Создал электронную базу данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века» и базу данных памятников восточнохристианского искусства. Один из инициаторов создания Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), декан факультета прикладной математики и информатики ПСТГУ.

комнате постоянно спали младшие дети, кто два раза в день, кто один... Словом, спали круглые сутки. Найти в деревянных полах подходящую для шпиля дырочку не было проблемой. Чуть сложнее приходилось с нотами. Но, если никто ничего не готовил, их можно было пристроить на плиту. И вот уже по квартире льются школярско-тоскливые звуки гамм и этюдов. Сверху с развешанных под потолком панталон, кальсон и полотенец на меня капает вода, а напротив сидит вечно пьяненький дядя Володя и покачивает ногой в сандалии в такт «Сурку» Бетховена. Я играю, не подозревая, что Даша не спит. Она, страшно довольная, обнаружила, что стул можно придвинуть поближе к столу, преодолев одно препятствие за другим, добраться до моих тетрадей и лежащих рядом цветных ручек и карандашей и рисовать, рисовать, рисовать...

Впрочем, раз я заговорила о виолончели, значит, я уже учусь в школе. Конечно, раз барышне требуется французский язык, необходима и школа с улучшенным его изучением. Таковая обнаружилась по другую сторону от метро Бауманская (не так давно я была там и видела заколоченные двери, выбитые стекла. Не знаю, что случилось, но было горько). Папа (тогда уже не киновед, а начальник отдела в Министерстве приборостроения и алтарник в храме Иоанна Предтечи на Пресне) ежедневно провожал меня в школу. Путь занимал минут 20. И каждый день в эти 20 минут он по фразам, по возгласам, по молитвам объяснял мне службу (думаю, что и себе тоже). Через сорок лет отец написал книгу «Полет литургии», идея которой, по его собственному признанию, родилась в тех коротких походах.

Расскажу и о проводах в музыкальную школу. Меня приняли на виолончель в класс Галины Васильевны Голицыной в 1-й Прокофьевской, куда мы ходили через Новобасманный переулок. Виолончель была тяжеленная, громоздкая – едва ли не больше меня. Поэтому первые годы кому-то из родителей приходилось таскать инструмент за мной. Кто бы это ни был, мама или папа, я всегда бежала вперед, чтобы успеть посидеть на вросшем в тротуар чугунном грибке. «А ты знаешь, что раньше к нему привязывали коней?» – спросил однажды папа. Я, конечно, не знала, но сидеть стало еще интереснее: телевизора у нас не было, что не мешало сочинять собственное кино. Я представляла, как здесь, у дома прекрасной дамы, оставлял коня гонец с письмом от кавалера. А то и сам красавец офицер на ходу небрежно набрасывал поводья на мой грибок и вбегал в дом. А она стояла на вершине лестницы и улыбалась суженому. Потом в списке прочитанной мной литературы случился «Маскарад» Лермонтова. И к этим грезам начал примешиваться старый злобный муж, слезы, страдания. А Михаила Юрьевича я навсегда не полюбила – за испорченные мечты.

Скоро неподалеку от нас, на Красносельской, поселилась семья отца Валентина и матушки Инны Асмус. Поговаривали, что они переехали в квартиру Утесова.

– Или это легенда? – спросила я дочь отца Валентина Ксюшу.

– Не легенда. Это действительно была квартира Утесова. А после него там жил хирург Кассирский. Тоже известная личность. У меня был недавно эпизод: вызвала я врача на дом. Приходит дама. Раздевается. Говорит: «Здравствуйте! Слушайте, а в этом доме жил Утесов!» Я чуть удивилась, так как мы о том, что в нашей квартире жил Утесов, узнали, как переехали, поэтому для меня ничего в этом необычного не было. «Да. Вы знаете, он как раз в нашей квартире и жил». – «А можно посмотреть квартиру?» – «Конечно, можно». Она походила и говорит: «А почему вы теперь тут живете?» Я удивилась вопросу: «Я не знаю, наверное, государство выдало эту квартиру родителям как многодетным». Потом я зачем-то сказала: «Знаете, после Утесова тут жил Кассирский». Тут она чуть в обморок не упала: «Не может быть!» – «Но так и есть». – «Мое самое любимое пособие, которым я пользуюсь, написал этот Кассирский». В общем, только в таких случаях я понимаю, что, наверное, очень круто жить в квартире, где до тебя жили

известные личности. А для нас это было как само собой разумеющееся – Утесов, Кассирский.

– *Но вы же не с самого детства жили там?*

– Сначала на Беговой в каком-то двухэтажном особняке, поделенном на четыре части для четырех семей. Квартиры были двухэтажными. Я мало что помню из того времени, потому что мы переехали на Красносельскую в 1982 году, мне тогда было всего три года. Помню, на Беговой нас отпускали во двор одних (здесь почему-то нет, а там – да). И мы с Манькой страшно нахулиганили, а когда мы поняли, что нас засекли, я спряталась под стул. И так как мне было комфортно под стулом, я понимаю, что я была действительно совсем маленькая. Помню, как в первый раз увидела себя в зеркале: то ли я выросла, то ли папа взял меня на руки. У нас ванная была на втором этаже: кажется, он там бороду подстригал. Полумрак, и я с папой. Я увидела себя в зеркале и удивилась своему цвету волос – они желтые! Это было для меня открытие. А еще у меня была совершенно дурацкая прическа.

А жизнь в квартире на Красносельской была классная. У нас наконец-то появилось много места.

На Беговой вся квартира была 54 метра, к тому же папина сестра Женя жила с нами. А тут одна детская 56 метров. В ней, рассказывают, Утесов выступал, а мы там жили вшестером – от меня до Ольги. Мы маленькие были, и для нас это было наше личное пространство, где мы делали все, что хотели.

– *И у вас не было ощущения, что жить всем вместе – это ужасно? У тебя его не было?*

– Никогда вообще! Это вот сейчас, когда все вышли замуж, у всех определенный, устоявшийся жизненный уклад, есть проблемы. Особенно когда у кого-то разница во взглядах на жизнь. А тогда нет. Все детство до школы для меня было счастливым.

Совсем забыла. Перед моим первым классом папа задумал нечто совершенно восхитительное – предшкольное путешествие по маршруту Печоры – Псков – Новгород – Таллин – Рига. Последние два города шли в дополнение к удивительным монастырям – Пюхтицам и Спасо-Преображенской пустыни, известной как Пустынька под Ригой. Печоры, конечно, полагались как приложение к папиному духовнику, архимандриту Иоанну (Крестьянкину)¹⁰.

После стольких лет я не помню подробностей встречи с ним, но картинкой всплывает в памяти стремительность, с которой летал по келье отец Иоанн, краткая молитва. Как он покропил меня святой водой, дал просфору, спросил, хочу ли замуж, и посадил на стул – ждать окончания разговора с отцом.

Однажды, когда отец Иоанн еще был жив, я спросила папу, каким тот был и как он к нему попал.

Это было совсем просто. Нужно было венчаться, потому что некоторые священники «монашеского типа» говорили: либо разводишься, либо не причащаешься. А я им совершенно доверял и понимал: мало того, что меня ждет развод, я еще и не смогу служить в Церкви. Слава Богу, были и

¹⁰ *Архимандрит Иоанн (Крестьянкин; 1910–2006)* – один из наиболее почитаемых современных старцев, бывший около сорока лет насельником Псково-Печерского монастыря. Рукоположен в иерея в Москве в 1945 г. В 1950 г. осужден на семь лет по статье «антисоветская агитация». С 1957 г. служил на разных приходах Рязанской епархии. В этот период принял монашество и в 1967 г. определен для служения в Псково-Печерский монастырь. Отец Иоанн известен как пламенный проповедник и духовник, принимавший поток многочисленных паломников из разных мест.

здравые священники, как отец Александр Куликов¹¹. И, когда я ему эти слова пересказал, он засмеялся: «Будешь еще ездить к монахам?» Но продолжил: «Что ни говори, он прав. Надо венчаться». Он меня и свез к отцу Николаю Радковскому, который служил в Троицком храме, в селе Троице-Сельцы. Там мы и венчались. И отец Николай, поговорив со мной, сказал: «Есть такой отец Иоанн Крестьянкин. Съездите-ка вы к нему». Я и поехал. И убедился, что он прав. И тогда мне было очень хорошо жить. У меня появилась возможность часто ездить в командировки, и я обязательно раз в два месяца заезжал к нему. И ничего лучше этих встреч для меня не было. Но отец Иоанн еще лет десять меня придерживал в моем стремлении стать священником.

То, что он выдающийся духовник, в этом нет никакого сомнения. В том, что он живет глубоким опытом личной духовной жизни и призывает всех к такому же опыту, призывает не лозунгами, а реальностью своих бывших когда-то (сейчас уже в силу возраста и болезней такой возможности у него нет) собеседований, это несомненно. То, что он вообще больше всего на свете любит Церковь и всегда стремится эту любовь передать всем, кто с ним общался, – несомненно. То, что он точно, тонко всех понимал, то, что он очень любил всех приходящих и относился к ним с большой нежностью, и это все несомненно. То, что он умел при исповеди отметить там самое главное и тем самым направить человека, приходящего к нему (не только в исповеди, но и вообще в разговоре по различным проблемам, которые у этого человека возникали), тоже несомненно. То, что он старался любые ответы давать в рамках церковного предания, которое для него не просто объем некоего внешнего знания, а содержание его жизни, тоже несомненно.

Поэтому я могу сказать, что лично другого такого человека, который так же бы жил всею полнотой духовной жизни церковной, воплощал ее в своем облике и невольно передавал (невольно в том смысле, что, не имея заданности специальной или для какого-нибудь доклада богословского, но опытом всей своей жизни), я не знаю. Это свидетельствует о том, что отец Иоанн – человек чрезвычайно высокого духовно-нравственного содержания.

Паства отца Иоанна была очень многочисленна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что связан с ним был не только мой папа, но и Правдолюбовы, о чем и рассказал мне отец Владимир:

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) еще при жизни многими людьми почитался как святой. Не назывался таковым, но именно почитался. Я прекрасно помню, как мы регулярно всей семьей, почему-то зимой, ездили к отцу Иоанну. Помню этот поезд, помню ночную побудку, когда поезд подъезжал к Пскову (или к станции Печоры – тогда еще была такая станция). Выгружались в мороз, который спросонья казался в три раза холодней. Стоишь на перроне – спать хочется безумно. Помню, раз ночевали в холодном храме прямо в монастыре. И Печоры у меня всегда ассоциировалась с зимой. Я весной в монастырь впервые попал только с супругой и двумя детьми. Всегда любил образ зимних Печор и люблю его до сих пор. Хорошо помню одно из таких наших посещений батюшки, я был то ли дошкольником, то ли учился в начальных классах. Мы всей семьей сидим, тихо ждем в келье отца Иоанна: он еще у себя в комнатке, наверное, молится. И вдруг – почти неслышно –

¹¹ Протоиерей Александр Куликов (1933–2009) – известный московский священник и духовник, 20 лет служил в храме свт. Николая в Кузнецкой слободе, с 1990 по 2009 г. – настоятель храма свт. Николая в Кленниках на Маросейке.

влетает быстрой-быстрой походкой и, не здороваясь, обращается к образам, в передний угол. Он предстоит, в его горячем, четком слове молитвы слышно прямое обращение к Богу, будто он перед лицом Его. «Царю Небесный» ли он читал или «Отче наш» – уже не вспомню, как и дальнейший разговор. Отец мой с юности своей был его духовным чадом. А однажды отец Иоанн позвонил ему на мобильник (тогда только мобильники появились). Папа с ним разговаривает, а у самого слезы текут, настолько он ценил общение с отцом Иоанном и почитал его. А еще отец Иоанн помогал и без использования устройств связи: папа открывал окно и кричал ему о помощи почти в голос, и тут же получал облегчение.

До Пюхтиц мы добирались от Новгорода на автобусе. В дороге меня, сильно уставшую, укачало. Сдерживая тошноту, я старалась угнестись в болезненном полусне и неожиданно увидела икону Божией Матери, обращавшуюся ко мне. Совершенно не удивившись тому, что со мной говорит икона, стала слушать. В этот момент в сон ворвался папин голос, требующий подъема – приехали. Я старалась не шевелиться не из лени или по болезни, мне было необходимо дослушать. Не случилось. Я так и не смогла восстановить, о чем был разговор. А за всю мою жизнь я так и не смогла узнать «подружившийся» со мной образ... Едва мы выбрались из автобуса, меня прозаически вырвало. Так закончилась моя первая попытка приобщиться к чуду.

Была, правда, и более удачная встреча с необъяснимым, хотя ее можно смело назвать совпадением. То лето мы проводили в Дмитрове. Однажды я стала приставать к папе: мне непременно понадобилось забраться на чердак. Не то чтобы я была большой любительницей лазить по чердакам (тем более что внутренней лестницы не было, только приставная к дому – старая, полусгнившая, пошатывавшаяся от каждого нашего шага вверх), но хотелось ужасно. Папа отнекивался, но несгибаемая сила воли и упрямство давали себя знать уже тогда. Отцу было проще согласиться. Мы залезли.

Я не помню ни пыли, мерцающей в лучах солнца, ни балок, ни вещей полусгнивших. Ничего такого, чем можно было бы наполнить, живописать наши чердачные приключения. Ни даже того, как я обнаружила икону (папа потом говорил, что он о ней помнил, но я-то этого не знала и знать не могла). Чья это икона, я узнала, только когда мы спустились, – на окладе было вытеснено имя: Пантелеймон. А потом папа посмотрел висящий на стенке патриархийный календарь: я требовала, чтобы мы взобрались на чердак, и нашла образ 9 августа – в день памяти великомученика и целителя Пантелеймона. Икона стоит у меня на полочке.

Чудеса, или, если угодно, необъяснимые истории, происходили конечно же не только со мной. Немало моментов пересечения с необъяснимой благодатью было в жизни диакона Владимира Правдолюбова.

Один случай я потом вспоминал много раз. Мы ездили с мамой, с ее знакомой – прихожанкой из папиного храма и с моей будущей супругой Татьяной на Кий-остров, где патриарх Никон в 1656 году основал Крестовоздвиженский монастырь. Маленький, по-моему, полтора на два километра, остров – камни и сосны. Дивной красоты место. Мама моя – большая любительница Русского Севера, а я на нее больше похож и внешне, вплоть до такой же субтильной комплекции, и ее любовь к Северу мне близка. В советское время в монастыре сделали, естественно, дом отдыха, куда мы взяли путевку на неделю. Гуляли много. Хотя вода кругом, купаться там почти невозможно – холодища, Белое море. А 19 августа, на праздник Преображения Господня, мы с Танюшей идем к завтраку. Идем и чувствуем запах ладана. Думаем: это же монастырь. А мы идем к центру острова, где столовая, там был

храмовый комплекс, где осталось здание собора. Рассуждаем: может, приезжал батюшка? Хорошо, что он был на Преображение (мы слышали о том, что священник из Онеги в какие-то праздники служил там молебен)! А через какое-то время узнаем: батюшка не приезжал. Не может быть! А ведь запах ладана ощущал на Соловках дедушка Анатолий, когда он был в заключении, сохранились его воспоминания: «Я такого прекрасного аромата ладана в жизни никогда не чувствовал!» И никаких служб там тогда точно не было. Такие схожие факты наставляли и укрепляли меня всегда.

Пюхтицы меня потрясли. Сестры, впечатленные папиной идеей путешествия с дочерью, кормили нас вкусной сметаной, творогом с медом и рассказывали, что у них 70 гектаров земли, которую они обрабатывают сами, стадо из 50 коров, настоящее хозяйство, каких я прежде не видела. Поскольку я была маленькой, работать, трудниться нас не просили, а священник, оказавшийся там одновременно с нами, повел на прогулку. Дошли до кладбища. Сокрушаясь, он показал могилку послушницы, которая сбежала из монастыря, а потом вернулась: «Несчастливая любовь, домашние неурядицы, и девушки сразу хотят в монастырь. А когда поутихнет горечь, так же быстро хотят вернуться. Хорошо, если не успели дать обетов». В семь лет я смутно догадывалась, о чем он говорит, скорее, воспринимала общий фон – к решению уйти в монастырь надо относиться очень серьезно и ответственно.

В Пустыньке под Ригой нас приютил удивительный человек – архимандрит Таврион (Батозский)¹². Его биография и лагерные мытарства описаны довольно подробно. Я же помню лишь высокого красивого старца, взявшего меня за руку и отведшего в маленький храм.

Довольно долго я была уверена, что путешествовал с детьми только мой отец. Но оказалось, что такие поездки были обычным явлением в священнических семьях. Ксюша Асмус тоже путешествовала с папой, отцом Валентином:

Мы поехали на две недели в Пюхтицы. Папа взял с собой меня и Лену (мне было 11 лет). Еще я очень хорошо помню, как папа нас брал гулять по Москве: мы ходили по Лефортово, он показывал немецкий квартал, рассказывал частично историю города, тех мест. Как-то папа меня взял с собой в гости к Сильвии Федоровне Нейгауз¹³. Визит к ней меня потряс: мало того, что я, естественно, полюбила с первого взгляда Сильвию Федоровну, она к тому же угощала нас зеленым чаем, о существовании которого я тогда впервые и узнала (кстати, ее отпевание было первым осознанием существования смерти, и я горько плакала)... С папой всегда было жутко интересно, а так как такое происходило редко – папа очень много работал, – это запомнилось навсегда.

¹² *Архимандрит Таврион* (Батозский; 1898–1978) – известный старец и духовник. В 1913 г. ушел в Глинскую пустынь, где в 1920 г. принял монашество. После ее закрытия в 1922 г. подвизался в Новоспасском монастыре в Москве, в Свято-Николаевском – под Рязанью, в Марковой – в Витебске. С 1929 по 1956 г. находился в ссылках. После освобождения служил в Перми, во временно открытой Глинской пустыни, в Почаевской лавре, в Уфе. С 1969 г. – духовник Преображенской пустыни под Елгавой.

¹³ *Нейгауз Сильвия Федоровна* (1906–1987) – российская альтистка, третья жена известного советского пианиста и педагога Генриха Нейгауза.

Часть вторая, когда мы жили на кладбище...

Прежде чем перейти к рассказам обо мне десятилетней, то есть к следующему этапу жизни, придется, пожалуй, вспомнить, как я наконец стала дочерью священника. Вернее, каким образом папа пришел к этому решению и рукоположению. Сначала мне рассказала об этом моя мама. И только совсем недавно, на Успение, когда исполнилось 40 лет папиного священнического служения, он кое-что рассказал и сам.

– *Помнишь, как тебе впервые пришла в голову мысль стать священником и почему?*

– Конечно, помню. Я поехал на практику на «Ленфильм», и мне наша сокурсница дала Библию (я ее попросил), и начальный импульс был дан. А после этого довольно часто стали попадаться книжки...

– *При том, что их тогда не было.*

– Так получилось, что книжки находили меня, а я – их. Существенно позже, хотя и не будучи еще церковным человеком, я стал искать Хомякова. Но до того, как пришел Хомяков, мне встретились Пастернак, Мандельштам и Ахматова. Попадались и люди. Сначала это были круги богемные, а уже кончая ВГИК, я встретил Николая Николаевича Третьякова, и это стало особенно дорого и драгоценно. Затем познакомился и со всей его компанией. Постепенно люди «сужались», как, когда на гору взбираешься, с подножия множество всяких тропинок, но, чем выше, тем их меньше. А под конец один только путь остается.

И, когда я окончательно пришел к Церкви, на Кузнецы, конечно (храм святителя Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе), я почти сразу понял, что самое дорогое для меня теперь – быть священником. Стало нужным служить. Вот видишь, ничего загадочного, хотя прошло много лет, пока это реализовалось.

– *И никогда больше не было сомнений? (Я-то вообще люблю посомневаться в принятых решениях. Хотя, если что решила, буду идти до конца.)*

– Конечно, нет. Я стал церковным человеком, и для меня главным внутренним заданием было служить Церкви. А служить мужчина может практически единственным образом – став священником. Дальше я стал искать пути решения этого задания, что оказалось нелегко, поскольку у меня было высшее образование и довольно высокий пост в Министерстве машиноприборостроения: я был начальником отдела. Так что меня не очень хотели «отпускать».

Родившись при «развитом социализме», я понимала, о чем говорит отец. В то время стать священником человеку с высшим образованием, тем более с гуманитарным, было практически невозможно. Не брали их и в семинарию, по уровню образования равнявшейся техникуму. Даже если все экзамены сданы на «отлично». Кроме того, такие люди автоматически попадали под особо пристальное внимание КГБ, и дальше их жизнь становилась довольно напряженной.

– *И ты никогда не жалеел, что ушел из кино?*

– Вот уж совершенно никогда. Я не из кино ушел, а из Госфильмофонда.

И последние два года там было довольно противно. Я туда перетащил Стаса

Красовицкого¹⁴, и нам обоим было противно одинаково. И под конец я на просмотрах всегда засыпал, а в среднем у нас было два просмотра в день. Да еще писать потом.

Вот когда выяснилось наше родство – я ведь последние годы засыпаю даже на самых шумных боевиках и блокбастерах. Хоть ненадолго, минут на десять, но непременно засыпаю... Точно, гены!

– Однажды в командировке в Таллине я познакомился с отцом Алексеем Беляевым. Ты его видела. Замечательный рассказчик, – вдруг перескакивает на другое отец.

– *В Пюхтицах!* – вспыхнуло во мне воспоминание, как мы ходим по монастырскому кладбищу.

– В Пюхтицах. Да. А служил он в Киржаче, во Владимирской епархии. Мы стали общаться. И однажды он звонит утром с вокзала: «Нужно срочно вас видеть». А мне уже выходить на работу надо. Но встретились. И он мне предложил стать у него вторым священником. Сказал, что одному уже невозможно служить, а вторые священники почему-то очень быстро уходят: «Думаю, вы не уйдете». Я ему отвечал, что отец Иоанн пока не пускает. Он вдруг говорит: «А я с ним очень давно знаком. Съездите, скажите, что я вас хотел бы к себе взять». Поехал. А отец Иоанн говорит: «Ты постарайся еще в церкви поработать. Или, может, в семинарию получится». Но в семинарию тоже не получилось.

К этому времени стал ездить по епархиям, и везде меня ласково принимали архиереи. Говорили: «Пишите прошение, будем стараться рукоположить». А через некоторое время приходил безо всяких аргументаций ответ: «Принять вас в энской епархии не представляется возможным». Конечно, делалось это не без помощи КГБ...

А дальше произошла история, которую ты, может быть, помнишь. Из Осташкова к нам приехал отец Владимир Шуста (у нас с ним завязалась связь через Колю Третьякова, Алешу Бармина и отца Алексея Злобина). «Ты как?» – спрашивает. «Слава Богу, я уже работаю чтецом, сторожем в храме Иоанна Предтечи на Пресне, с настоятелем отцом Николаем мы в очень хороших отношениях. И мне эта жизнь нравится больше, чем вся прежняя». Он говорит: «Так теперь надо священником быть». «Да нет, – отвечаю. – Четыре раза не получилось в разных епархиях. Значит, Промысел: сначала через отца Иоанна, потом через архиереев». Тут он мне и говорит: «Я сейчас разговаривал с нашим владыкой, епископом Калининским (название Твери в СССР) и Кашинским Гермогеном. Он тебя завтра ждет. Он сильный человек, он сумеет сделать». И я на другой день поехал. А дальше произошла история, о которой ты знаешь. И даже принимала в ней участие.

Я смотрю, недоумевая, но не возражаю. Когда человек начал вспоминать, надо внимательно слушать.

– Мы уже жили на Покровке. Вдруг звонок телефона. Ты ответила, потом подбегает: «Папа! Тебя епископ Гермоген!»

Как же я могла забыть о таком на целых сорок лет!

Я вспомнила то состояние, даже выражения наши...

¹⁴ Красовицкий Станислав Яковлевич – русский поэт, переводчик. В 1953–1957 гг. принадлежал к неофициальной группе поэта Леонида Черткова. Священнослужитель неканонической РПЦЗ(В).

Но молчу, слушаю.

– Я уже знал, как обращаются к епископам. Взял трубку: «Владыка, благословите!» Он в ответ: «Готовьтесь. Через три дня буду вас рукополагать. Приезжайте в Калинин».

– А мама что?

– Мама... Это тоже была история. Я сижу у владыки. Вдруг звонок. Он отвечает: «Да, Ваше Святейшество». Дальше я выхожу. Через какое-то время он открывает дверь: «Меня вызывают». Я расстроился – видимо, не выйдет ничего. Владыка говорит: «Пока ждете, напишите прошение и биографию». Я в раздумьях: писать, не писать. Но его нет час, два, три... Написал. Тут меня к телефону зовут – епископ. Я говорю: «Владыка, мне нужно с вами поговорить». – «Да что с вами говорить, лучше пригласите матушку. Может она приехать?» Поехали. Я где-то во дворике рядом с Патриархией сидел ждал. Она через полчаса вышла со словами: «Спасен мною».

– Ты ведь осознавал, что, раз епископ Калининский, тебя ждет рукоположение вдали от Москвы. В лучшем случае небольшой городок, а то и деревня. В то время никакой надежды вернуться в Москву не было.

– А я всегда любил провинцию. Маленькие городки. И сейчас люблю. Дмитров был чудесный городок. И Осташков тоже.

С мамой мы начали разговор, конечно, с самого интересного для девочек – как познакомились родители.

– Мы с друзьями приехали в Госфильмофонд на закрытый показ какого-то фильма. Но кино отменили, и мы поехали в общежитие ВГИКа, где жил твой папа, общаться. Поговорили и разошлись: они к себе в комнаты, а мы домой поехали. А потом я его случайно встретила на улице. Мы разговорились. Оказалось, что оба мечтаем на концерт пианиста Вана Клиберна попасть. Билетов мы тогда не достали, зато в 22 года я оказалась замужем.

– Если я правильно понимаю, ты венчалась, будучи почти что неверующей.

– Более того, и некрещеной. Соседка наша, когда я ее спросила, сказала, что меня вроде бы тайно крестил папа. Но когда и где – неясно. И откуда она это знала, тоже было непонятно, ведь тогда все говорилось полунамеками. Потом, уже спустя какое-то время после венчания, я набралась смелости и пошла поговорить со священником. Он выслушал и сказал, что таинство Венчания совершено, и его ничего отменить не может, «но давай все же я тебя крещу». Мы жили так, что не у кого было что-то спросить и негде узнать: книг никаких нет, к священнику пойдешь – сразу об этом узнают и донесут.

В институте мама подружилась с дочерьми профессора Журавлева – Нюсей и Заной. Три умные, образованные красавицы, они быстро оказались в интеллектуальной среде, в богеме. Их окружали философы, поэты, писатели, музыканты, художники, киношники. И тут папа принимает решение стать священником.

– От меня тогда отказалась ближайшая подруга, она работала в Интуристе и испугалась, что станет известно о нашей дружбе. Многие в то время постарались свести общение с нами к минимуму. Зана осталась. Конечно, она говорила, что я сошла с ума. Даже Коля Фудель¹⁵ тогда сказал:

¹⁵ Фудель Николай Сергеевич (1924–2002) – русский писатель, педагог, сын православного богослова, философа, духовного писателя, переводчика и литературоведа Сергея Иосифовича Фуделя.

«Не надо Владику быть священником, это как в окопах жить», а ведь Коля был верующим с рождения. Но, пройдя со своим отцом весь путь, он хотел меня защитить. Да и четверо детей, из которых только ты в школу ходила, не шутка.

– *Мам, а ты хотя бы отдаленно, приблизительно понимала, что тебя ждет?*

– Ничего. А как я могла понимать, если я не видела ни одного священника – отца Владимира Воробьева, моего духовного отца, рукоположили позже. Мне перед службой Ира Третьякова (вдова художника, преподавателя ВГИКа Николая Третьякова) сказала: «Услышишь «Отче наш», проходи вперед, через 15 минут будет Причастие». А я и знала только «Отче наш», даже Символ веры не знала. Поговорить со священником было невозможно, сразу стало бы известно. Во время исповеди спросить? Так тогда была только общая исповедь, на нее я с вами и ходила. Батюшка перечисляет грехи и велит повторять: «Воровство». Вы маленькие стоите и повторяете, креститесь: «Грешен». «Аборты» – вы снова: «Грешны». Тогда и на Пасху не причащали. Однажды пришла на пасхальную литургию женщина – она на несколько часов отпросилась из больницы причаститься перед тяжелой операцией. Она так перед алтарем плакала, умоляла, у амвона преклонилась, чтобы ее причастили. Нет, и все.

– *Думаю, что даже при твоей полнейшей неосведомленности ты понимала, что папу из-за его круга общения и антисоветских настроений если и рукоположат, то отправят в глубинку. Как ты согласилась? По примеру жен декабристов?*

– Просто я ему верила. Я всегда считала, что он во всем прав, значит, прав и сейчас. Значит, мне надо узнать это поближе. Да и ты знаешь своего папу. То на Север у него появилось желание уехать, нутрий почему-то выращивать, то на Белое море – помогать уцелевшим поморам. Хотя и окончил ВГИК, но все время куда-то рвался, ему было очень-трудно на одном месте усидеть: в Госфильмофонде, в Москве он томился. Поэтому, когда он сказал, что хочет быть священником, я отнеслась к новой идее спокойно. Мы уже столько раз планировали уехать спасать то нутрий, то людей, что я к этому замыслу никак не отнеслась.

– *А про то, как это быть матушкой, откуда ты узнала?*

– Узнать вышло на собственном опыте. Только в Осташкове, куда папу назначили вторым священником, я увидела первую в моей жизни матушку Лидию Николаевну Шуста, жену настоятеля отца Владимира (после смерти жены отец Владимир принял монашество, став архимандритом Вассианом). Впервые могла поговорить с женой священника, и то спросить, как мне жить, было неловко. А в Москве матушки со мной не разговаривали, да я их и не видела: в храме они стояли тихо, неприметно. Да и как сделать? Подойти и спросить – научите меня, как стать матушкой? А даже если бы кто-то рассказал, не помогло бы, ведь надо все самой прожить.

– *Я помню, ты рассказывала, что папа и дядя Коля Емельянов одновременно решили, что будут священниками, и тогда вы все вместе поехали к архимандриту Иоанну (Крестьянкину) в Псково-Печерский монастырь за благословением. Потом папа и меня несколько раз возил к нему. Но я не помню, ты с нами ездила?*

– Тогда я единственный раз была у него. Потом дети рождались один за другим, а я была абсолютно уверена, что не могу вас оставить ни с кем,

что сама должна и воспитывать, и растить. А приехали мы тогда... Да я даже о нем особо и не слышала, мы путешествовали, папа, я с тобой, Оксана и Коля с двумя детьми – Аней и Алешей. Пришли к нему, я была в брюках, волосы ниже пояса распущенные, но он даже виду не подал, что я в таком виде. Мы сидели на веранде, пили чай, была общая беседа, очень добрая, ласковая. Потом мужчины ушли к нему в келью разговаривать, а мы с Оксаной на лавочке сидели, ждали. Вышли оба – лиц на них нет, и в разные стороны. А мы сидим – куда за ними бежать? Понятно стало, не благословил.

– *А когда благословил?*

– Через десять лет отец Иоанн прислал письмо, в котором сказал поступать в семинарию. А как поступать? Отец Владислав сдал все экзамены на «отлично», а его не брали – слишком образованным советская власть не позволяла идти в священники. Пришлось ему заниматься самообразованием. Знаний, ума, энтузиазма было достаточно, но опыта было негде набраться: в его окружении священников не было, и жизни он этой не знал. А уж после рукоположения он поступил за заочное отделение в семинарию.

– *Я знала, что отец Владимир Шуста помог с рукоположением. Но только недавно папа рассказал, что архиепископ Калининский и Кашинский Гермоген (Орехов) захотел перед этим поговорить с тобой. И пожаловался, что ты никогда ему не рассказывала, о чем был тот разговор.*

– Так и рассказывать особо нечего. Епископ был прекрасный, внимательный, культурный. По-отечески, очень мягко, спрашивал о моей жизни. Задавал совсем обычные бытовые, жизненные вопросы, видимо, проверял мою готовность к переменам. Но поскольку я искренне шла за мужем, ятакже искренне и отвечала. Деталей не помню даже от ужаса – я живого епископа впервые видела. К нему пока пройдешь, можно умереть со страху. Единственное, что помню: ради этого разговора я впервые купила платье в комиссионке, кримпленовое, черное в красненький цветочек. Через три года, когда мы куда-то вместе выходили, отец Владислав вдруг сказал: «Какое у тебя красивое платье».

Красивая молодая женщина с двумя институтскими образованиями за спиной и возможностью общаться с интересными ей людьми оказалась в глухой, труднодоступной деревне. Как себя чувствовала моя мама в своей новой жизни?

– Первое яркое впечатление возникло от прихода в деревне Васильково. Все же Осташков – интеллигентный город, да и папа там был вторым священником. А тут кладбище, погост Чурилово. С приходом нашим у меня сразу сложились замечательные отношения, твой отец даже говорил, что они меня любят больше, чем его. И мне с ними было интересно. Зато сильные эмоции во мне вызвала московская интеллигенция, буквально поселившаяся у нас дома. Они не виноваты: будучи неофитами, они тоже мало что знали, а вырываясь к духовному отцу на несколько дней, конечно, хотели как можно больше получить от общения с ним. Было лето, когда мы всего одну ночь переночевали своей семьей, а уже на следующий день новые люди приехали. Я в тот год даже за калитку не вышла, только с крыльца направо вынести мусор на задний двор или налево к колодцу. Первый раз мы прошлись погулять, когда отец Владимир Воробьев и Оксана с Колей Емельяновы приехали.

Москвичи были не плохими или хорошими, они такие же, как и я, кривые-косые-начинающие. А я от природы немягкий человек, и

гостеприимству мне было негде учиться, мы с мамой закрыто жили. Но они почему-то все думали, что раз я матушка, то должна быть безгрешной, безупречной. А дети должны быть идеальными. Фразу «Как ты можешь, ведь у тебя муж священник?» я и сейчас слышу от людей. А уж тогда... Но оттого, что муж, папа или дедушка – священник, разве крылья вырастают? И у меня не росли, чему многие удивлялись: духовный муж и постоянно моющая, чего-то убирающая жена. Но им однажды наша алтарница (в деревнях, где мужчины не ходили в храм, епископы благословляли немолодую женщину помогать священнику в алтаре) и помощница по дому тетя Шура хорошо ответила, хоть и неграмотная была. Она зимой у колодца стирала, а кто-то ей говорит: «Тетя Шура, мы каждые 15 минут нового часа на молитву встаем, а вы с нами никогда не молитесь». Она спину распрямила, посмотрела извиняющимся взглядом: «Да. Простите. А я стирала постельное белье, чтобы вам было что постелить».

Я, конечно, была довольно мала, чтобы влиять на отца. Вернее, на его решение стать священником. Это было его с духовником и с мамой дело. А вот в семье отца Ильи Шмаина ситуация была иной: его дочь Анна к тому времени, как папа стал задумываться о рукоположении, была не только старше меня, но и гораздо рассудительнее. И я предположила, что Анна Ильинична обязательно должна была участвовать в обсуждении столь серьезных перемен. Моя догадка была верной. Анна Ильинична подтвердила:

– Я действительно принимала участие в обсуждении и в том, чтобы этого добиваться, потому что папа решил стать священником твердо: его на это благословил духовный отец Владимир Смирнов в 1972 году. Сначала папа добивался этого в России, в 1973 году родители уехали в Латвию, и там замечательный человек, митрополит Рижский и Латвийский Леонид многое сделал для папиного рукоположения, но в России это все же не удалось – никто не решался на этот шаг. И в конце концов, когда мы жили уже давно в эмиграции, был придуман необыкновенный ход: рукоположили его в Парижской архиепископии и отправили в Иерусалим, где папу принял блаженнейший Патриарх Иерусалимский Венедикт. Конечно, это было очень сложно, обсуждалось семьей постоянно, и мы все молились об этом. Поэтому его рукоположение – единое решение всей семьи. Что касается Израиля, мы, честно говоря, не понимали, к каким страданиям приведет переезд туда, к каким несчастьям. Иначе мы бы его не добивались. Но это тоже было единое решение семьи.

– *Что вы имеете в виду?*

– Гонения. И не со стороны государства Израиль, а со стороны эмигрантского общества. Государство вело себя безукоризненно. Например, папа не служил в армии. Став священником, он написал письмо, что больше не может держать в руках оружие, но рад будет всячески послужить стране Израиль, на что получил ответ: «Вы освобождаетесь от обязательной службы по уважительным причинам. Вы можете участвовать в добровольно-вспомогательных частях». И никакого шума, никакой огласки. Но эмигранты, русские интеллигенты, затравили нас так, что мою сестру оставил муж. Несколько семей распалось из тех, кто пытался сохранить верность нашему дому, но ни у кого это не было так трагично, как у нее. Она погибла – покончила с собой. Поэтому я и говорю, что, если бы мы знали, какую цену заплатим, может быть, мы бы ее платить не стали.

Мы принесли несчастье многим другим. Пока папа не стал священником, эмигрантское общество в Израиле еще терпело его, но когда его рукоположили, народ сошел с ума. На нас писали бесконечные доносы, на которые, надо сказать, служба безопасности никак не реагировала. Один раз папу вызвали в Шин-Бет (местный КГБ): «Ты знаешь, что в Московской Патриархии сидят шпионы, враги Израиля?» Они имели в виду, что тогда между СССР и Израилем не было дипломатических отношений. Замечу, что, так как на иврите нет «вы», в переводе эта официальная беседа выглядит как доверительная. «Знаю, – ответил он. – Поэтому я хожу к грекам». – «Но ведь они иногда приходят к грекам, и греки их принимают. А если ты услышишь, что договариваются о взрыве, что ты сделаешь?» – снова спросили его. «Срочно побегу в полицию», – сказал папа. На этом вопросы кончились, и больше никогда ничего папа не услышал. У него были хорошие отношения со священниками Московской Патриархии в Иерусалиме, и я думаю, что они не были прямыми агентами. Шоферы, секретари – скорее всего. Хотя, конечно, чужая душа – потемки.

А интеллигенция не могла успокоиться: постоянные передачи по радио, на Рождество даже погром учинили как-то потому, что мы елку поставили. В конце концов наша маленькая христианская община дольше не могла это выдерживать, и мы уехали во Францию. Слишком дорого стоила верность тем, кто хотел быть верными. Быть христианином все-таки не означает немедленно быть мучеником (притом мучеником не от властей, а мучеником в своей семье).

Папиного рукоположения я не помню: я его не видела – оно состоялось 28 августа на Успение, когда я вернулась домой готовиться к школе. С отцом остались мама и младшие дети: пока им не пришла пора идти в школу, они жили на приходе постоянно, а я – с бабушкой в Москве.

Некоторое время отец служил в Осташкове на берегу озера Селигер – сначала диаконом, а потом вторым священником.

В моей памяти, в моей жизни Осташков навсегда останется самой чудесной сказкой на земле, тем местом, куда хотелось бы уехать. Дороги его, на манер питерских, планировались строго прямыми, без малейших изгибов: улицы были параллельными, переулки – перпендикулярными. А поскольку Осташков расположен на полуострове, даже в центре города были такие точки, откуда с трех сторон переливалось в солнечных лучах озеро. Аккуратные, крепкие и уютные домики, гулять вдоль которых мы никогда не уставали: на каждом окошке под занавесками ручной работы стояли горшочки с цветами. Они были одного сорта, названия которого я так и не узнала, но поражали разноцветием: красные, желтые, оранжевые, синие – они смотрелись так радостно, что в ответ им всегда хотелось улыбаться. Отчего-то мы прозвали их лисичками.

Осташков – это навсегда самый вкусный копченый угорь, самая лучшая ягода на свете – морошка, самые большие корзины черники, белых и подосиновиков. И лучшее озеро в мире, по которому было налажено замечательно продуманное водное сообщение на теплоходиках в самые разные его уголки. В первую очередь к острову Столобный, куда в XV веке с Новгородчины пришел молодой монах Нил. Здесь он прожил отшельником 27 лет. А после смерти был прославлен в чине преподобных, и на месте его отшельничества была устроена Нило-Столобенская пустынь. После Октябрьского переворота монастырь превратили в трудовую коммуну, на самом деле – колонию для малолетних преступников. Настоятель храма в Осташкове отец Владимир Шуста (ставший впоследствии наместником Столобенской пустыни архимандритом Вассианом) однажды рассказал, что в колонии свой срок отбывал сын Антона Макаренко

– самого известного советского педагога, разработавшего установки педагогического мышления советского учителя, и по совместительству бригадного комиссара НКВД. Но больше я эту информацию нигде не встретила. А вот то, что со стен, до самого купола, была отбита не только роспись, но и штукатурка – остались голые камни, – видела своими глазами.

Теплоходики перемещались целый день и по другим маршрутам, к остальным островам, которым, казалось, не было счету. А когда папа купил у кого-то старую деревянную лодку, мы смогли путешествовать сами. Так мы попали по протоке внутрь острова Хачин, где обнаружилось еще одно озеро – Белое. Вода в нем просвечивалась до дна на любой глубине, так что малютки-угорьки и их родители не могли спрятать свою личную жизнь от любопытных глаз в тине и камышах. Вообще в Хачине заключено 13 внутренних озер... Не буду ни вспоминать, ни рассказывать, как однажды, двадцать лет спустя, я обнаружила вместо Осташкова совсем другой, мертвый город. Но, признаюсь, когда наступает переутомление, мне до сих пор снится мой Осташков из прошлой жизни.

К моим девяти годам «подоспел» переезд в новую квартиру. Поскольку родители были многодетными, папа написал письмо депутату Бауманского района. Им по совместительству с должностью главы государства, Генерального секретаря ЦК КПСС, был Леонид Ильич Брежнев. И неожиданно нам дали целую квартиру на Покровке. Мы с папой поехали ее смотреть, он по какой-то надобности ненадолго ушел, а я осталась ждать, сидя на лестнице, когда мимо меня промелькнуло неземное создание – худенькая, необычайной красоты девочка примерно моего возраста в пончо, которое на долгие годы стало предметом моих грез. Девочка внимательно осмотрела меня и, ужасно смешно картавя, поздоровалась.

Получается, что я первой познакомилась с нашими соседями Лецкими, ставшими впоследствии настолько близкими и родными, что мы не закрывали дверь квартиры, чтобы они всегда могли зайти. В комнате Марины (той самой девочки) была слышна наша кукушка, прилежно отработывающая на кухне каждые полчаса. А иногда, когда к нам приходили гости с детьми, и чаще: папа вставал на сундук под часами и переводил стрелки. Хитрость заключалась в том, что после придачи ускорения течению времени надо было совершить полный суточный круг, и к концу всем приходилось нелегко. Особенно тем, кто вынужденно наслаждался концертом через стенку, не заказывая музыку. Думаю, что самые счастливые часы в жизни Марины наступали, когда часы ломались и их относили в ремонт.

Мы тоже заходили порой в гости к Лецким и тогда замечали бесшумно передвигающуюся миниатюрную бабушку. Эстер Иосифовна (на самом деле Эсфирь) была женой известного советского резидента Леонида Абрамовича Анулова (настоящая фамилия Москович) – организатора нелегальной агентурной сети «Красная капелла» в Швейцарии, прошедшего по возвращении на родину по лагерям и ссылкам. Леонид Абрамович был засекречен настолько, что в 1974 году его похоронили под псевдонимом. Эсфирь Иосифовна резидентом не была, но всегда сопровождала мужа в качестве прикрытия. Году в 1931-м им пришлось взять на задание семилетнего сына, и тот ни разу не проговорился, что его родители – граждане СССР. А Эсфирь однажды чуть не провалила задание: в поезде женщину окликнул проводник, знавший ее под другой фамилией. Она обернулась. Поняв все, заплакала и мгновенно придумала, будто то была фамилия ее первого и погибшего мужа. От Эстер Иосифовны мне достался дорожный сундук, с которым она путешествовала по Европе. Я же использовала его как шкаф: там вполне помещался весь мой гардероб.

Уже взрослой я стала крестной Марины и ее сына Сережи. Крестилась и ее мама Ирма Леонидовна.

Нам удалось привлечь внимание не только Лецких. Неординарная внешность папы и мамы, их многодетность привлекли внимание семьи, живущей по другую сторону двора, где мы гуляли. Так мы познакомились с Делоне. Семья включала бабушку, маму и двух девочек. Старшая, Катя, была на год младше меня. Вторая, Даша, родилась на пару месяцев ранее нашей

Дарьи. С семьей Делоне мы дружим по сей день. Только бабушки уже нет в живых. Наталья Николаевна была первым человеком на моей памяти, кто вышел из коммунистической партии, поскольку она стала христианкой. Родившаяся, как и наша мама, в 1941 году, ее дочь, тетя Лена, – сильная, смешливая, отважная – чуть позже стала активной прихожанкой Николо-Кузнецкого храма. Моя подруга Катя, выйдя замуж за нашего друга детства Алешу Емельянова, стала матушкой, Даша – замечательный художник. Это, конечно, незаслуженно короткий рассказ о долгих и разных годах жизни бок о бок с семьей Делоне. Счастливой жизни.

В новой жизни меня неожиданно ждала отдельная комната и новая французская школа, находящаяся в Лялином переулке – почти напротив нашего дома. Музыкальную решили оставить: добираться до нее с Покровки было столько же, как и от прежнего места жительства. Всех нас подстерегал непривычный метраж, потрясающий не только воображение, но и... физическое тело. Младшенький Петя принялся бегать по коридору, кататься на велосипеде, играть в футбол и тут же сломал руку. В день, когда ему снимали гипс, палец на руке сломала Таня.

Осташков был первым местом папиного служения. Его назначили вторым священником в храме того самого отца Владимира Шусты, который содействовал рукоположению. Спустя пару лет наша семья оказалась совсем в другом месте. На погосте Чурилово, то есть на кладбище при деревне Васильково, находящейся в 8 километрах от города Кувшиново. И я была уверена, что на погост папу перевели. Но папа поправил, все произошло не так:

– Там был священник. И когда он ушел в отпуск на месяц, владыка Гермоген благословил меня поехать послужить вместо него. Мне там понравилось: очень хороший народ, и я понравился старосте...

– *Марье Алексеевне?* – *перебываю отца.*

– Да. И она все сделала, чтобы меня перевели. Только спросила меня: «Вы бы хотели у нас остаться?» Я, собственно, не думал об этом, у меня и мысли не было изменять Осташкову, но сказал, что мне понравилось. И через несколько месяцев я уже там служил.

Формально наш новый приход располагался на 80 километров ближе к Москве, чем Осташков. Фактически же до Селигера можно было добраться на прямом поезде с апокалиптическим номером 666. Вооруженный «числом зверя» поезд устремлялся из Москвы в Осташков, куда благополучно приезжал в комфортные 6 утра. А вот в Кувшиново состав прибывал в 2 часа ночи. Добраться туда можно было и днем, но почему-то все пути в светлое время суток были только многопересадочными. Их мы освоили тоже, но позже. Для начала папа решил, что самым коротким будет понятный ему путь – прямой поезд. Все бы ничего, но наш приход располагался не в самом городе, а в 8 километрах от Кувшиново, в деревне Васильково. Днем, особенно в хорошую погоду, мимо Васильково по сельской дороге пыхтел автобус-пазик, кондукторша которого, не сходя со своего сиденья возле водителя, зычно оповещала на каждой остановке: «Кто взошел в зад, передавайте на билет». На ночь же (а также в выходные, в дождливую погоду или в мороз) движение городского транспорта замирало, так что приходилось идти пешком.

Словом, однажды теплой летней ночью, с рюкзаками, полными вещей и провианта (снабжение села в 70-х годах достойно отдельного описания), мы с отцом спустились из вагона на землю, обещающую стать родной на ближайшие годы. Ночь, тишина. Ни улицы, ни фонаря, ни тем более аптеки – одна лишь железнодорожная насыпь да дорога между бараками.

– Знаешь, от поезда до дома на два километра ближе, чем от автостанции. Всего-то шесть. На целых две тысячи метров меньше. И на четыре тысячи шагов.

Мне всегда хотелось верить, что я похожа на папу, но уже тогда я понимала: есть в нас кое-что разное. Он всегда, в любой ситуации оставался оптимистом. А еще был сыном учительницы математики. Мне же по наследству досталось его бескрайнее воображение и, как мы помним,

неумение считать, связанное с мамиными филологическими генами. Поэтому радость его от вычитания из тысяч шагов двух часов ночи, умноженная на мои 10 лет, выглядела неуместной.

Сначала мы шли на равных. Бодро миновали речку Вонючку, на самом деле звавшуюся Тухлянкой (обитатели города Кувшиново, коих мы ласково именовали кувшины и кувшинки, страшно обижались, когда москвичи коверкали название единственной водной артерии), вышли из города, и дорогу сразу обступил лес. Страшно не было, но идти надоело, и я решила отставать и канючить. Понимая, что вариантов отступления нет, идти вперед больше не хотелось, а вот капризничать – очень даже.

– Давай споем тропарь святителю Николаю, он всегда помогает путешествующим. – Папа попытался найти компромисс.

«Правило веры и образ кротости, воздержания учи-и-и-ителя», – жалостливо тянула я и слова, и рюкзак. Сзади слышалось тарыхтение, колючую лесную тьму пробил блеск фар, и из тьмы выскочила машина скорой помощи. Я замерла, папа поднял руку. Усатый (отчего я это помню?), похожий на моряка, шофер вопросительно выглянул в окно:

– Нам бы до Чурилово.

– Я в Высокое.

– Мы там дойдем, подвезите, пожалуйста. Мы с ночного поезда, дочка спать хочет.

– Садитесь.

Высадив нас на повороте, усатый исчез за домом председательши колхоза Октябрины. Я была счастлива. Наутро папе кто-то сказал, что в Кувшиново нет станции скорой помощи. А если бы и была, в Высоком отсутствовала телефонная связь. Поэтому в селе ни у кого не было телефонного аппарата, чтобы вызвать машину в ночи. Как бы то ни было, я считаю, что именно наш приезд на этот приход официально закрепил мое вступление в статус поповны.

Здесь придется признаться в страшной лжи: ехали мы с папой не совсем в деревню, нам было необходимо попасть на кладбище. Рядом с деревней Васильково был расположен погост Чурилово, в ограде которого стояли две избы – священника и церковный домик – и сам храм. Столь удивительное место расположения дома впоследствии дало название серии рассказов друзьям о наших приключениях, начинающихся со слов «когда мы жили на кладбище». Особый колорит нашим историям придавало то, что, говоря так, мы нисколько не лукавили.

Поселились мы сначала в избе, считавшейся церковным домиком: в священническом доме организовали косметический ремонт – переклеивали обои, красили полы. Работы выполнялись бабулями (все четверо мужчин-прихожан из окрестных деревень и города Кувшиново появлялись в храме два раза в год – на Пасху и Рождество). Я оказалась в совершенно непривычном для городской девочки мире и, в ожидании мамы с сестрами и братом, с головой ушла в приходскую жизнь. Первым делом подружилась с бабой Маней. Она не только пела на клиросе (кладбищенские певчие называли его крылос), но и заведовала русской печью вместе с сотнями просфор, которые она пекла, несмотря на малочисленность прихода. Но в храме была заведена традиция: помимо традиционных одной-двух прос-форочек, полагавшихся к записке, к каждому сорокоусту прилагалось 40 просфор. В итоге, готовясь к воскресной службе, мы пекли их не меньше чем пол тысячи.

Я следила за тем, как баба Маня укладывала «колодцем» дрова прямо внутрь огромной пасти русской печки (в Осташкове у нас была только голландка да в кухне печь с плитой). Затем лучины, немного старых газет. Так я узнала, что дрова сначала должны прогореть и лишь потом в оставшемся от них жаре готовится еда. Тем временем баба Маня разводила дрожжи и ставила закваску рядом с печкой. Так, чтобы ей было тепло, но не жарко. Дрожжи случались сухими и старыми настолько, что тесто порой не всходило, новых же купить было негде: как и многое другое, они являлись дефицитом. Старушка волновалась каждый раз: морща лоб, нахмурившись, косилась на банку с мутной жидкостью закваски, сосредоточенно тыкала пальцем в ведро с тестом, вымешивала снова, уговаривая его, заботливо укутывала в старое оде-

яло. Наконец, удовлетворенная, присыпала клеенку мукой, выкладывала здоровенный кусок, раскатывала здоровенный круг.

Сначала потолще – для оснований, рядом тонкий пласт для «шляпок». Каждую вырезали вручную, сверху шлепали печати с изображением креста или Богородицы (тогда моя сестра Таня полюбила Богородичные просфорки и любит их по сей день. Поэтому мы всегда стараемся для нее найти такую). Иногда шляпки выходили кривыми – если их вырезать от края теста. Эти баба Маня склеивала в отдельный комок и откладывала. Огромные чугунные противни по 160 просфорочек ставили под полотенца – подниматься. Служебные – большие – отдельно. Печь прогорала, в устье протискивались противни, заслонка закрывалась. Тут началось самое интересное. В «отбракованные» шляпки добавлялись соль и сахар, они поднимались еще раз, после чего баба Маня пекла пироги и плюшки, смотря что из начинки было под рукой – варенье или обычный сахар. Пироги казались вкусными до невозможности. Но вкуснее всего были теплые, только из печи просфорочки.

Воодушевленная умением готовить в печи, довольно скоро я решила приготовить суп к маминому приезду. Из продуктов была прошлогодняя мягкая, проросшая картошка, кислая капуста и тушенка. Стало быть, щи. Приготовив, оставила их доходить на печке. На следующий день я с гордостью открыла кастрюлю перед мамой. Щи прокисли. Я не знала, что кастрюлю надо было приоткрыть. Опыт, конечно, бесценный, но я сильно и долго переживала.

Мама с младшими детьми приехала к концу ремонта. Мы уже перебирались в наш дом, когда к воротам свернула ехавшая мимо передвижная лавка – грузовик, наполненный разным товаром. Рядом с шофером сидела сама Октябрина. Кузов распахнулся, богатств там было, как в пещере с сокровищами: кастрюли, тарелки, мочалки и зонтики. В углу я заметила розовое ватное одеяло и две сиявшие синим атласом огромные китайские пуховые подушки. «А можно?» Зажмурилась. Подушки были нереально дороги, 8 рублей. «Я-то согласна. А вот что будет говорить княгиня Марья Алексевна?» – отшутилась Октябрина, имея в виду, конечно, не грибоедовскую героиню, а нашу церковную старосту.

Мария Алексеевна была женщиной видной. И еще более грозной. Она, безусловно, пристально следила за папой, которого сама же и перевела. Но он был столичным чужаком и оказался в глубинке по совершенно неясным для нее и тревожным причинам. Тем более что по его внешнему виду было понятно, что папа – неформат для сельского батюшки. Впрочем, довольно скоро разобравшись, что на «ее» приходе оказался голимый и беспросветный энтузиаст, староста стала относиться к нам со снисходительной жалостью. Но и докладывать «куда следует» не забывала.

Наступило удивительное время. На кладбище мы жили все лето. После Успения, то есть 29 августа, я возвращалась в Москву учиться, и мы жили с бабушкой Таней. А мама с малышами, которым еще рано было ходить в школу, оставалась с папой в деревне. Я же приезжала к ним на каждые каникулы. С удовольствием припомню все, что мне довелось делать, обосновавшись на кладбище. Тем более что детские воспоминания оказались самыми яркими, неповторимыми. С удовольствием, потому что и тогда у меня не было ощущения, что жизнь полна непереносимых трудностей и непомерных тяжестей, и сейчас нет. Из всех занятий детства я терпеть не могла лишь полоть огород. К счастью, его у нас практически не было. Все остальное, в том числе мыть полы, было несложно и даже интересно. Но в храме мы не убивались. Нам, с приезжавшими из Москвы подругами, разрешали петь на «крылосе» и иногда читать часы. Всем раздавались ноты, и старушки гордо утыкали в них носы. Меня приняли дискантом, Инну (дочь художника Александра Шумилина), не понимавшую, по ее собственному признанию, в нотах ровным счетом ничего, – альтom. Впрочем, не только Инна не могла читать ноты и церковнославянский. Во время всенощной, где много меняющихся «частей» службы, понять, что поет хор, не было никакой возможности: некоторые полуграмотные старушки слухом, возможно, и обладали, а считывать текст не успевали. Однажды я прислушалась к голосу

стоявшей рядом бабульки. «Фня-фня-фня», – слышалось мне. Прислушалась внимательнее. «Фня-фня-фня», – сосредоточенно «читала» слова и ноты певчая. Неудивительно, что молящиеся в храме ничего не могли разобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.